

8408-21
015

ВСЁ КУВЫРКОМ

БИССЕТ

АСТ
АСТРЕЛЬ

ДОНАЛЬД
БИСSET

МАЛД НИСИТ

АСТ
АСТРЕЛЬ

ВСЁ
ДУВЫРКОМ

АСТ
АСТРЕЛЬ

АСТ
АСТРЕЛЬ

УДК 821.111-313.2

ББК 84(4Вел)-44

Б65

Donald Bisset
UPSIDE-DOWN LAND
TALKS WITH A TIGER

Перевод с английского *Н. ШЕРЕШЕВСКОЙ*

Художник *П. ГАВИН*

Печатается с разрешения The Estate of the late Donald Bisset
и литературных агентств A M Heath & Co Ltd.
и Andrew Nurnberg

Биссет, Д.

Б65 Всё кувыркром. Беседы с тигром/Дональд Биссет;
пер. с англ. Н. Шерешевской; ил. П. Гавина. – М.
АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2010. – 285, [3] с.: ил.

ISBN 978-5-17-061143-0 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: Внекл. чтение)

ISBN 978-5-271-25132-0 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-226-03169-4 (ВКТ)

Серийное оформление А. Логутовой

ISBN 978-5-17-061147-8 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: Любим. чтение)

ISBN 978-5-271-25133-7 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-226-03170-0 (ВКТ)

Серийное оформление А. Кудрявцева

В книгу вошли замечательные, веселые и парадоксальные,
сказки известного английского писателя Д. Биссета.

УДК 821.111-313.2

ББК 84(4Вел)-44

Подписано в печать 20.10.2010.

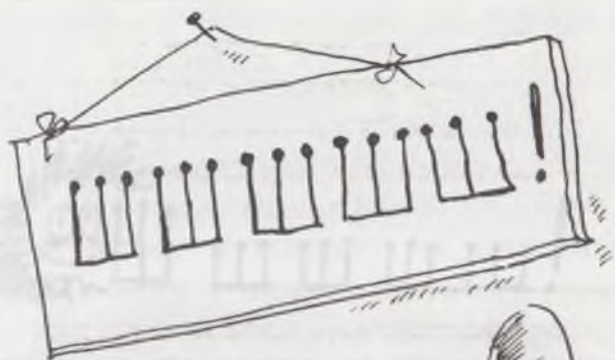
Формат 84x108¹/₃₂. Усл. печ. л. 15,12.

С.: Внекл. чтение. Доп. тираж 2000 экз. Заказ № 2648и.

С.: Любим. чтение. Доп. тираж 1000 экз. Заказ № 2648и.

© Перевод. Н. Шерешевская, 2010

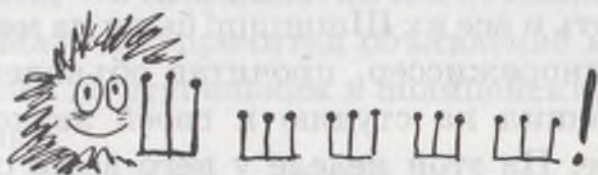
© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

ST. JOHN'S COLLEGE
1910

THE
SCHOOL OF
ARTS AND SCIENCES

Случается же такое на свете — потерялся однажды Шшшшш!

Хорошо еще, что полисмен нашел его и спрятал в шкаф в полицейском участке. А потом записал его имя в книгу находок и на доске объявлений вывесил объявление.

И все, кто проходил мимо, останавливались и читали это объявление.

— Что там написано? — спросил маленький мальчик свою маму.

— Написано, что потерялся Шшшшш! — ответила мама.

— А как это он потерялся? — опять спросил мальчик.

— Шшшшш, замолчи!

Официантка из соседнего кафе тоже увидела это объявление и тут же побежала на кухню, чтобы посмотреть, не ее ли чайники и кофейники потеряли Шшшшш! Но чайники и кофейники продолжали кипеть и все их Шшшшш! были на месте.

Кинорежиссер, прочитав объявление, поспешил на студию к своей звуковой ленте. На этой неделе у него всего один раз проходило Шшшшш! Но оно оказалось на месте.

А машинист паровоза, увидев объявление, побежал скорее на вокзал к своему паровозу, чтобы проверить — вдруг это его паровоз потерял Шшшшш!

К счастью, все паровозные Шшшшш! были тоже на месте. У каждого настоящего паровоза должно быть много Шшшшш! Иначе паровоз не сможет делать:

— Шшш-шшш, шшш-шшш...

Потом к объявлению подошел мальчик с собакой. Собака залаяла. Она очень любила лаять, собаки вообще любят лаять.

— А ну!.. — хотел было шикнуть на нее мальчик.

Собака от удивления перестала лаять и начала бегать вокруг и принюхиваться.

Она искала, куда же девался Шшшшш! Смешная собачонка, ей бы следовало знать, что Шшшшш! ничем не пахнет.

Мальчик прочитал объявление и поднялся по ступенькам в полицейский участок.

— Это я потерял!.. — сказал он.

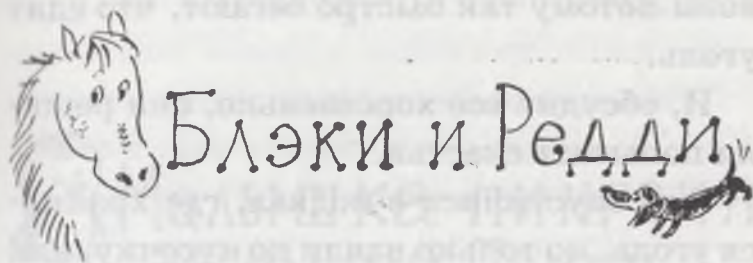
— Что ты потерял? — переспросил его полисмен.

Тут собака залаяла опять.

— Шшшшш! — шикнул на нее полисмен.

— Вот это самое! — сказал мальчик.

Жила-была на свете лошадь. Звали ее Редди.

По утрам Редди развозила молоко и каждый раз встречала по дороге своего приятеля Блэки — маленькую черную собачонку.

По правде говоря, Редди не так уж нравилось развозить молоко. Она всегда мечтала быть скаковой лошадью и брать на скачках призы.

Блэки тоже был не очень доволен своей судьбой. Он мечтал научиться бегать, как настоящая гончая, хотя ноги у него, честно говоря, были коротковаты.

Как-то после обеда они сидели у Редди в конюшне, играли в «крестики и нолики», и вдруг Блэки осенила идея:

— Редди, мы должны есть уголь! Паровозы потому так быстро бегают, что едят уголь.

И, обсудив все хорошенько, они решили попытать счастья.

Они спустились в подвал, где хранился уголь, но только взяли по кусочку, как вдруг появилась сама хозяйка миссис Прочь.

— Ах негодные! Таскать мой уголь! А ну прочь отсюда!

Она схватила кусок угля и запустила в них. Редди и Блэки кинулись бежать.

В жизни они так быстро не бегали!

А как раз в это время мэр города выглянул в окно. Мэра звали Уильям.

— Вот это скорость! — воскликнул он. — Держу пари, эта лошадь получила бы на скачках первый приз. А собака-то, собака! Несется быстрее гончей! Честное слово, они заслужили по медали.

И он выдал Редди и Блэки по медали.

Малышка пингвин по имени Принц

Однажды малышка пингвин из семейства королевских пингвинов — звали его Принц — сидел в яйце и думал, как бы ему поскорее появиться на свет. Уж очень надоело ему сидеть в яйце, хотелось скорее пойти поиграть с другими пингвинами.

Он ударил по скорлупе клювом, потом ногой. Потом забарабанил изо всех сил, скорлупа — крэк! — и разбилась.

Уф, наконец-то он родился.

Мама-пингвиниха посмотрела на него и глазам своим не поверила. «Вот странно, — подумала она. — Почему же он ко-

ричневый? У всех королевских пингвинов на спине черные перья, а на животе белые. Но может быть, если смыть коричневую краску, он тоже будет черный с белым?»

И она попробовала клювом соскрести с Принца коричневую краску, но ничего у нее не получилось. Принц как был коричневым, так и остался.

— Придумала! — сказала мама-пингвиниха и достала из буфета горшочек с медом.

Она вымазала Принца медом и позвала белого медведя — его звали Ворчун, —

чтобы он слизал с малышки пингвина мед, а с медом и коричневую краску. Ворчун с радостью принялся облизывать Принца со всех сторон.

— Ой, щекотно! — смеялся Принц.

Но медведь не обращал на это внимания и продолжал слизывать мед. А когда всё слизал, мама-пингвиниха увидела, что Принц как был, так и остался коричневым.

Тогда Ворчун сказал:

— Пусть Принц поднимется на холм, покрытый снегом, а потом скатится с вершины вниз, может, снег счистит с него всю коричневую краску.

Принц влез на холм и скатился вниз. Скатился, встряхнулся, но остался, как и был, коричневым.

— Пойдем посоветуемся с совой! — решила мама-пингвиниха. — Она самая мудрая птица на свете.

И сова сказала ей:

— Ну и смешная ты, мама-пингвиниха. Разве ты не знаешь, что пингвины рождаются с коричневыми перьями, а когда

немножко подрастут, только тогда спинка у них становится черной, а живот белым?

— Ах, конечно же! — воскликнула мама-пингвиниха. — Я совсем забыла!

Всё так и получилось.

Когда Принц подрос, он облинял и на спине у него выросли черные перья, а на животе — белые, как у всех королевских пингвинов.

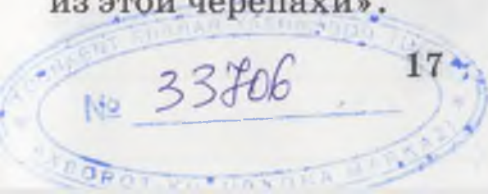
Про чайку Оливию и черепаху Розалинду

Жила-была чайка. Звали ее Оливия. Она жила на острове среди моря со своей подружкой, черепахой Розалиндой.

Оливия целыми днями ловила в море рыбу. А Розалинда сидела дома, под тенистым деревом, грызла капусту и пела. У нее был очень хороший голос.

Однажды мимо острова пролетал голодный аист Чарли. Увидев, что Розалинда одна, он подумал:

«Вот удача! Неплохой обед получится из этой черепахи».

Аист спустился вниз, подхватил клювом черепаху и улетел с ней.

Прилетев домой, он открыл дверцу небольшой клетки и сказал Розалинде:

— Входи! Капусты здесь сколько хочешь. Ешь и толстей!

Потом захлопнул дверцу и запер клетку.

Когда Оливия вернулась с рыбной ловли, она хватилась Розалинды, но черепахи нигде не было. Уже и ночь спустилась, а Оливия все продолжала искать Розалинду. Наконец, пролетая над темным лесом, она услышала знакомую песню. Кто же это поет, неужели Розалинда?

Оливия полетела на голос, спустилась в лес и при лунном свете увидела бедняжку Розалинду, которая пела грустную-грустную песню. А рядом в гнезде спал аист.

— Тише, ни звука, — прошептала Оливия. Она перекусила своим сильным клювом прутья клетки, и Розалинда вышла на свободу.

Увы, они были слишком далеко от дома, а летать Розалинда не умела. Пришлось им построить плот и плыть к дому по морю. Сквозь бурю и ночь! Оливия привязала к мачте веревку и тянула плот против ветра. А черепаха рулила веслом и пела веселые песенки, чтобы подбодрить себя и Оливию.

Когда они наконец приплыли к своему острову, Оливия привязала Розалинду за хвост к дереву и сказала:

— Теперь ты в безопасности!

И если вам случится когда-нибудь проплывать мимо этого острова и в лунную ночь вы услышите песню, знайте — это поет Розалинда.

Путешествие Джо

Раз в год дочка начальника станции в Пэддингтоне мыла крышу своего дома, и совы, которые жили на крыше, часто падали вниз, потому что крыша делалась скользкая.

Вот совенок Джо и решил, что, когда в следующий раз придет пора мыть крышу, он уедет на денек в деревню к бабушке в гости. Кому ж охота падать с крыши!

Он сел в поезд, который шел до бабушкиного дома. Паровоз звали Шёрвуд, а машиниста — мистер Бóсток.

— У тебя есть билет? — спросил мистер Босток совенка Джо.

— Конечно! — ответил Джо и показал мистеру Бостоку свой билет.

Они поехали.

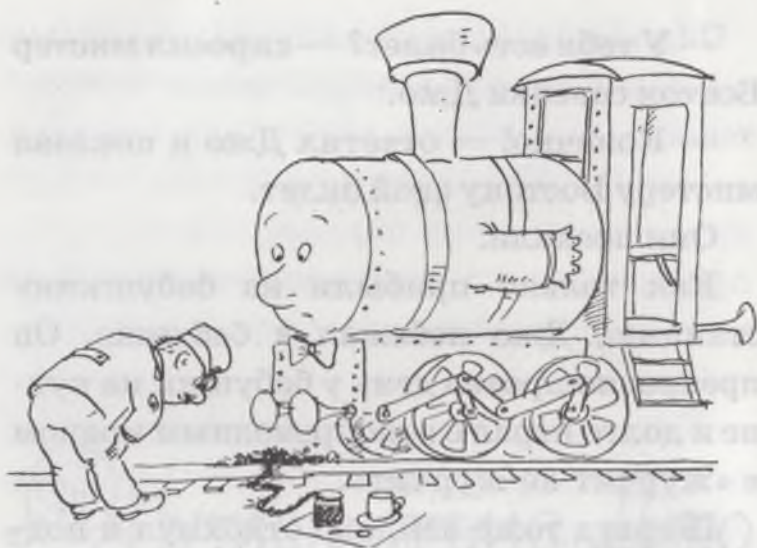
Как только прибыли на бабушкину станцию, Джо побежал к бабушке. Он прекрасно провел день у бабушки на кухне и долго играл с водопроводным краном в «журчит-не-журчит».

Шервуд тоже неплохо отдохнул и подзаправился углем. А мистер Босток пил чай и ел хлеб с вареньем.

Но он ел неаккуратно и испачкал вареньем рельсы. Поэтому когда собрались в обратный путь, Шервуд не мог сдвинуться с места — колеса прилипли.

— Ох, — сказал он, но хныкать не стал. — Пуфф! — сказал он. — Пуфф-пуфф-пуфф. — Но с места сдвинуться не мог.

Мистер Босток позвал на помощь Джо, а Джо свою бабушку. И вот все вместе — мистер Босток и бабушка, Джо и бабушкин кот, которого звали Том, поднатужи-

лись и... Шервуд как был, так и остался стоять на месте.

Тут Джо осенило:

«Ведь коты такие облизы!»

И он сказал Тому:

— А почему бы тебе не облизать рельсы?

Том с большим удовольствием слизал с рельсов варенье и запил водой.

Когда Джо вернулся домой на станцию Пэддингтон, звезды уже потухли, начинался день, и ему ужасно захотелось спать. Ведь совы спят именно днем.

Он взлетел на крышу и хотел прочитать
на сон грядущий свое любимое стихотво-
рение:

Гори вечерняя звезда.

Но вместо этого у него получилось:

Гори, Шервудская звезда,
Пусть мчатся в Лондон поезда.
Гори для кошек, и собак,
И для мальчишек-забияк,
Проснется скоро детвора,
А нам, совытам, спать пора...

Про тигрёнка Бинки, у которого исчезли полоски

Однажды тигрица-мама задумала испечь сладкий пирог. Она так усердно раскатывала тесто, что мука и сахарная пудра летали по всей кухне.

Как раз в это время родился тигренок Бинки. Тигрица-мама поглядела на него и удивилась:

— Где же твои полоски? Ну ничего, мы все равно будем любить тебя, и без полосок.

Но Бинки знал, что тиграм полагается быть полосатыми. И он, не теряя времени, побежал искать себе полоски.

Первым ему повстречался сержант. На рукаве у сержанта было целых три полоски.

— Дай мне, пожалуйста, одну полосу, — попросил у него Бинки.

— Стоять смирно, когда обращаешься к военному! — прикрикнул на тигренка сержант. — Нет у меня лишних полосок.

Бинки побежал дальше и увидел чугунную ограду. Какой-то человек красил ее. Бинки подождал, пока он кончит, а когда человек ушел, Бинки прислонился к ограде сначала одним боком, потом другим. Краска пристала к шерсти, и он стал полосатым.

Бинки бросился бегом домой, чтобы показать маме свои полоски. Но было очень жарко, сильно припекало солнце, и краска начала таять и капать на землю, так что скоро у Бинки опять не осталось ни одной полоски.

И тут он встретил зебру. Бинки замер от удивления: сколько полосок на одной-единственной спине!

Это же несправедливо!

Он сел и горько заплакал.

— О чем ты, малыш? — спросила его зебра.

— По... по... почему я не полосатый? — пожаловался Бинки.

— Бедняжка, — сказала зебра и ласково лизнула тигренка. — А на вкус ты ничего, приятный. — И она лизнула его еще раз. — Вроде сладкого пирога.

Она лизнула его еще и еще, и вдруг на спине у Бинки одна за другой появились черные полосы!

Он прибежал домой к маме и закричал:

— Мама! Ура, я полосатый!

— Правда! — обрадовалась тигрица-мама. — Ну кто бы мог подумать? Наверное, это сахарная пудра и мука засыпали твои полоски, когда я готовила сладкий пирог.

Тигрица-мама была очень довольна и пригласила зебру на чашку чаю.

К чаю зебра получила охапку сена, а Бинки — кусок сладкого пирога.

Про корову Красотку

Жила-была на свете корова. Звали ее Красотка. Она и в самом деле была красоткой с длинными черными ресницами.

Красотка паслась на лугу, где рос чертополох. Мно-о-го чертополоха. Но Красотка его не любила.

По вечерам, когда темнело, она уже не щипала траву, а смотрела, как на небе одна за другой зажигаются звезды. Иногда она грустно мычала, потому что ей не с кем было поиграть.

Однажды Красотка даже сочинила песенку:

Ты гори, звезда, сияй,
В небесной вышине мигай.

Пришли подружку поиграть,
С ней буду травку я щипать.

Му-у-у-у-у!

И звезда сказала ей в ответ:

Тебе хочу я дать совет.
Ложись, Красотка, лучше спать,
Не надо громко так мычать.
Твое мычанье надоело,
Но, если уж такое дело,
Я хоть полнеба обойду,
Тебе подружку я найду.

Случайно этот разговор услышал человек на Луне. Он сказал звезде, что ей не стоит ни о чем беспокоиться, он сам поможет Красотке найти подружку. И, прихватив с собой ведро, лопату, железный поднос и магнит, он, не долго думая, прыгнул с Луны на Землю. А чтобы не заблудиться, направил на лужайку, где паслась Красотка, лунный луч.

Приземлившись, он первым делом выкопал лопатой весь чертополох, сложил его в ведро и выкинул. Но оставалось

сделать главное: найти Красотке подружку. Вдруг он услышал, что кто-то пыхтит, совсем рядом.

Это куда-то спешила улитка Агата.

Красотка тоже увидела улитку. Она очень обрадовалась и лизнула улитку в голову.

— Помогите! — закричала Агата.

Человек с Луны и Красотка хотели помочь, но улитки и след простыл.

— Помогите! — еле слышно донеслось непонятно откуда, скорее всего у коровы изо рта.

Корова открыла рот, и правда — оттуда выползла улитка Агата.

— Можешь лизнуть меня еще раз, но только осторожно! — сказала улитка.

Красотке было немножко стыдно, и она очень осторожно лизнула улитку в раковину.

— Ну вот и прекрасно, — сказал человек с Луны. — Теперь у тебя есть подружка, и я могу спокойно возвращаться домой. Звезде я передам от тебя привет! Весь чертополох я выполол и выкинул, а ведро и лопату оставляю тебе в подарок. Можешь играть с ними, сколько захочешь. До свиданья, моя Красотка!

И с этими словами человек с Луны перепрыгнул через корову.

— Теперь и про меня сочинят песенку! — крикнул он.

Наверное, он вспомнил песенку про корову, которая перепрыгнула через Луну.

Потом он сел на железный поднос и подбросил вверх магнит. Магнит потянул за собой поднос. Так человек и добрался до Луны: ловил магнит и подбрасывал его вверх, а магнит притягивал к себе железный поднос.

Когда звезда узнала, что Красотка нашла себе подружку, она очень обрадовалась и засветила еще ярче. И Луна тоже.

Нолс и можжевельник

Давно-давно в долине среди холмов рос можжевельник.

Он никогда не видел города, но прекрасно знал, как там идет жизнь, потому что ветер приносил ему все городские новости.

Ветер летел с моря сначала в город, а потом через безлюдные зеленые холмы в долину, где рос можжевельник. И можжевельник слышал то гудки морских пароходов, то лай собак, то детский смех, то чей-то разговор по телефону. До него доносились крики чаек и гудки парово-

зов. Ветер приносил ему самые разные голоса.

Можжевельник любил слушать ветер, и когда ветер стихал, ему становилось скучно и одиноко. Вокруг не было никого, только солнце над головой или луна да звезды. Иногда на его ветки садились птицы, но это случалось редко.

И вот в одно прекрасное утро можжевельник услышал — топ, топ, ТОП, все громче, громче, и ГРОМЧЕ! И наконец через гребень холма перешагнул СЛОН по имени НОЛС.

— Привет! — сказал слон.

— Привет! — ответил можжевельник. — Тебя зовут Кенгуру?

— Что ты! Я — слон по имени Нолс.

— А-а! — сказал можжевельник. — Рад тебя видеть!

— Понимаешь, — сказал Нолс, — мне ужасно хочется почесать спину.

Слон сел под можжевельник и потерся о ствол спиной. Сразу стало легче.

Тогда можжевельник предложил ему:

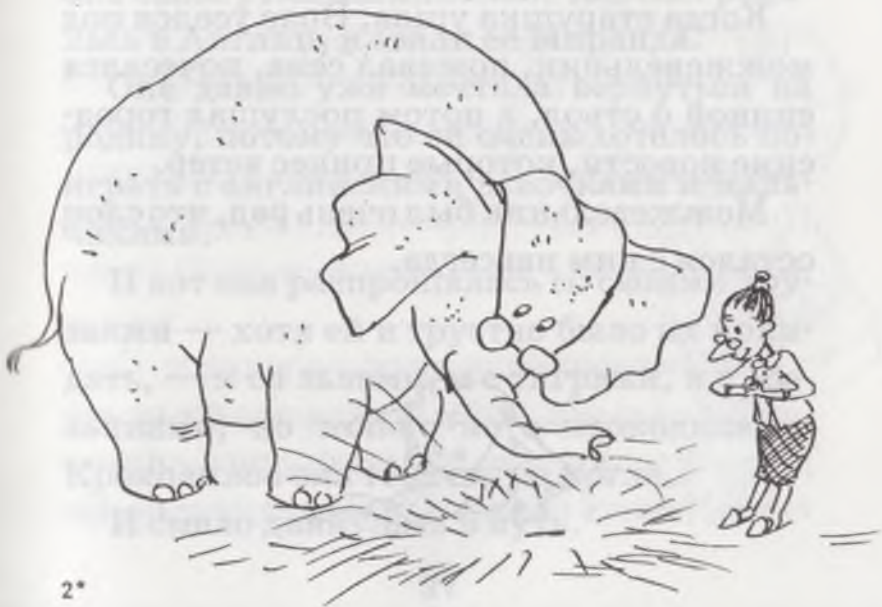
— Возьми вон из того стога охапку сена, сядь рядом со мной, и мы побол-

таем. А когда захочешь, я тебе опять почесу спину.

Нолс принес охапку сена и сел под можжевельник, а сено положил рядом, на случай, если захочется есть. Слоны очень любят сено. И шоколадное печенье тоже, только печенья у Нолса не было.

Так они сидели, болтали, а потом слон задремал. И опять в долине стало тихо-тихо.

Вдруг откуда ни возьмись появилась старушка, села рядом с ними и принялась шить. Сшила все, что нужно было, и хо-

тела спрятать иголку, да уронила ее нечаянно прямо в сено.

Да, нелегкое это дело — найти иголку в сене!

— Проснись! — закричала она слону. — Помоги мне найти иголку!

Нолс проснулся и тут же подумал: «Конечно, найти иголку в сене дело нелегкое — для всех, но только не для слона».

Он вытянул хобот, подул на сено, сено разлетелось в разные стороны, а иголка осталась — она ведь была тяжелее сена.

— Вот молодец! — сказала старушка и дала слону шоколадное печенье.

Когда старушка ушла, Нолс уселся под можжевельник, пожевал сена, почесался спиной о ствол, а потом послушал городские новости, которые принес ветер.

Можжевельник был очень рад, что слон остался с ним навсегда.

Миранда- путешественница

Жила-была в Африке утка. Вообще-то она была утка английская, так как родилась в Англии, и звали ее Миранда.

Она давно уже мечтала вернуться на родину, потому что ей очень хотелось поиграть с английскими девочками и мальчиками.

И вот она распрощалась со своими друзьями — хотя ей и грустно было их покидать, — и со львами, и с тиграми, и с обезьянами, но только не с крокодилами! Крокодилов она терпеть не могла.

И смело двинулась в путь.

Очень долго она летела над джунглями, а потом увидела море.

Она прилетела в Италию. На берегу было много детей. Дети играли в песочек, а родители сидели рядом и ничего не делали. «Как это глупо и несправедливо!» — подумала Миранда.

Затем Миранда полетела над горами, ей пришлось подниматься все выше и выше. А наверху было холодно и шел снег.

Вдруг она услышала — кто-то поет. Ближе и ближе. Ей показалось, что пели известную французскую песенку: «Сюр-лэ-пон д'А-винь-он», что значит: «На мосту в Авиньоне».

И действительно, вскоре сквозь туман пронеслась стая французских ласточек, которая держала путь на юг, в Италию. Пролетая мимо Миранды, они помахали ей крыльями. А Миранда помахала им в ответ.

Она очень устала и проголодалась. Снег пошел сильнее, и она совсем ничего не видела. В ушах свистел ветер, снег слепил глаза, лететь становилось все труднее. Но

Миранда думала только о том, как хорошо на английских болотах летом, и мечтала скорее встретиться с английскими детьми. Ключ ее смотрел в сторону Лондона. Так она летела очень долго. Ветер постепенно стих, перестал идти снег. И над головой она увидела звезды, а внизу — мерцающие огни большого города.

Это был Лондон.

Миранда опустилась на городской пруд. Посредине пруда был островок, и на островке свободное гнездо, словно нарочно приготовленное для нее. Миранда очень обрадовалась.

Она пощипала болотной травки, потом села в гнездо и уже начала засыпать, как вдруг услышала:

— Миранда! Миранда!

— Я здесь! — отозвалась Миранда.

Она выпорхнула из гнезда и подплыла к

берегу пруда. Там она увидела мальчика-
рассыльного.

— Тебе телеграмма! — сказал он. — По-
жалуйста, распишись вот здесь.

Миранда расписалась. Потом с теле-
граммой в клюве поплыла назад к своему
гнезду.

Она с волнением вскрыла телеграмму.
Телеграмма оказалась от африканских
мальчиков и девочек. Вот что они писали:

Миранда, Миранда, прими наш привет!
Желаем успехов и теплого лета.

Мы тебя любим и ждем ответа!

В домах через дорогу гасли огни. Ми-
ранда слышала, как люди желали друг
другу спокойной ночи. Потом все стихло.
Она спрятала телеграмму под одно крыло,
голову под другое и крепко заснула.

ЖУК-

ФИЛОСОФ

И ДРУГИЕ

Жил-был на свете дракон. Звали его Комодо.

Он умел извергать огонь, и поэтому все окрестные жители его боялись. Заслышав его шаги, все разбегались и прятались.

А шаги его было мудрено не услышать, потому что Комодо носил сразу три пары башмаков — у драконов ведь шесть ног! — и все шесть башмаков вместе, да еще каждый башмак в отдельности ужасно скрипели.

Но вот однажды Комодо повстречал девочку Сьюзи, которая его ничуть не испугалась.

— Зачем ты извергаешь огонь? — спросила она. — Ты же всех пугаешь!

— Ну, — ответил дракон, — я... хм... я не знаю. Как-то не думал об этом. А что, больше не надо пугать?

— Конечно, не надо, — сказала Сьюзи.

— Ладно, не буду, — пообещал Комодо.

Они попрощались, и Сьюзи пошла домой.

Уже стемнело, но фонарщик Чарли почему-то не зажигал огней, и прохожие не знали толком, куда им идти.

Оказывается, Чарли даже не вставал в этот день с постели. Он слишком устал накануне вечером и не успел еще как следует отдохнуть. Он крепко спал и жевал во сне бутерброд.

А мэр города сэр Уильям очень сердился. Он не знал, как зажечь уличные фонари.

И тут Сьюзи пришла в голову удачная мысль. Она побежала назад к пещере Комодо и привела дракона в город.

Они вдвоем обошли все улицы, дракон извергал огонь и зажигал подряд все фонари.

Жители города очень обрадовались. С тех пор они совсем перестали бояться дракона. И каждый год, когда фонарщик Чарли уезжал в отпуск, они звали Комодо зажигать на улицах города фонари.

Орел и овечка

На одной из вершин горного Уэльса жил орел. Звали его Дэвид.

Он любил летать высоко-высоко. И однажды залетел так высоко, что попал на звезду.

На звезде стоял маленький домик. В нем жила Мэри со своей овечкой. Дэвид постучал в дверь.

— Я прилетел к вам в гости, — сказал он.

Мэри накрыла на стол, и они втроем сели пить чай.

— Хочешь кусочек поджаренного хлеба, милый орел? — предложила Мэри.

— Хм, нет, спасибо, — ответил Дэвид. — Я бы лучше съел овечку.

— Ой! Но ты ведь еще не мыл когти, — сказала Мэри.

И она выставила его из-за стола и отправила на кухню мыть когти. А пока он там мылся, она успела шепнуть два слова на ушко своей овечке.

Дэвид вернулся и сел опять за стол.

— Хочешь еще кусочек поджаренного хлеба, милая овечка? — спросила Мэри.

— Нет, спасибо, — ответила овечка, вспомнив, что ей шепнула на ушко Мэри. — Пожалуй, я бы лучше съела орла.

Орел очень удивился, ему даже стало как-то не по себе. И когда Мэри еще раз спросила, что ему хочется, он ответил:

— Кусочек поджаренного хлеба, пожалуйста.

Мэри дала ему кусочек поджаренного хлеба. После чая Дэвид попрощался с Мэри и с ее овечкой и полетел домой.

В этот вечер перед сном он нет-нет да поглядывал на звезду, горевшую над его головой.

Нельсон и курочка

Однажды теплым летним вечером над высокой колонной, на которой стоит статуя адмирала Нельсона, проплывала легкая тучка.

— Будь добра, умой меня, — попросил ее адмирал Нельсон.

— С удовольствием, — ответила тучка, и полила лорда Нельсона дождем, и смыла с его лица всю пыль.

— Благодарю тебя, — сказал Нельсон. — А может быть, ты волшебная тучка?

— Может быть, милорд, — ответила тучка.

— Ну конечно, волшебная, — сказал лорд Нельсон. — Только волшебные тучки умеют разговаривать! Послушай, тучка, мне так скучно тут одному. Поговорить даже не с кем.

— А ты погляди в подзорную трубу, — сказала тучка, — и, если увидишь кого-нибудь, с кем тебе захочется поговорить, я ему передам.

Адмирал Нельсон поднес подзорную трубу к правому глазу (левый глаз он потерял в бою) и оглядел всю Трафальгарскую площадь, а потом Стрэнд и Уайтхолл и даже переулок святого Мартина и в переулке увидел курочку, перебежавшую дорогу.

— А почему курочка перебегает дорогу? — спросил лорд Нельсон у тучки.

— Не знаю, — ответила тучка. — Позвать ее?

— Да, пожалуйста! — сказал лорд Нельсон.

Тучка проплыла над курочкой и сказала:

— С тобой хочет поговорить лорд Нельсон.

Курочка была очень польщена и побежала скорее к колонне. Адмирал Нельсон спустил ей трап, и она поднялась на самую вершину колонны. Нельсон был очень рад встрече.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Марта, милорд, — ответила курочка.

— А скажи, Марта, — спросил лорд Нельсон, — зачем ты перебежала дорогу?

— Видите ли, милорд, — ответила Марта, — когда я снесу яичко на одной стороне улицы — кому-нибудь на завтрак, — я перехожу на другую сторону, чтобы и на

другой стороне кто-нибудь получил яичко на завтрак.

— Яичко на завтрак! — мечтательно повторил лорд Нельсон.

Он глубоко вздохнул, и по щеке его даже скатилась слеза.

— Не плачьте, милорд, — сказала Марта. — Хотите, я останусь с вами и каждое утро буду нести вам на завтрак яичко?

Так она и сделала.

Время от времени тучка возвращалась к ним, чтобы умыть их дождем. Теперь лорду Нельсону было с кем поговорить, и он больше не чувствовал себя так одиноко, как раньше. К тому же на завтрак он каждое утро получал свежее яичко.

Крякающий почтовый ящик

Жил-был на свете почтовый ящик. Он был очень красивый и очень аккуратный почтовый ящик — все письма, какие опускали в него, он бережно хранил и отдавал только почтальону.

А соседом почтового ящика был уличный фонарь, верный его друг.

Когда темнело, фонарь освещал улицу, чтобы прохожие не заблудились, а еще чтобы они увидели почтовый ящик и не забыли опустить в него письма.

Но однажды фонарь сказал почтовому ящику:

— Кажется, я простудился, апчхи!

И он так расчихался, что погас.

Почтовый ящик остался в темноте, и теперь прохожие не видели его и не знали, куда бросать письма.

В это время мимо проходила утка Миранда.

«Что случилось? — подумала она. — Ай-ай-ай, погас фонарь! И никто теперь не увидит, где почтовый ящик, и не будет знать, куда бросать письма».

Она вскочила на почтовый ящик и громко закричала:

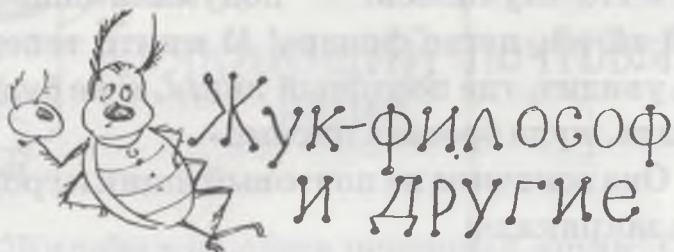
— Кря-кря, кря-кря!..

Тут все, кто вышел на улицу, чтобы опустить письмо, но не мог отыскать почтовый ящик, услышали, как крикает утка.

«Интересно, почему она крикает?» — удивлялись они и спешили туда, где крикала Миранда.

И каждый, кто подходил, видел почтовый ящик, бросал в него письмо и спокойно шел домой.

Дядя Фред жил на улице Западного Ветра в доме номер восемь. В комнате, где висел его портрет, по правую сторону от него на полке стояла в бокале роза, а слева — часы Тики-Таки.

«Ну что хорошего в часах? — думала роза. — Они ведь совершенно не пахнут. А что не пахнет приятно, не может быть поистине прекрасно!»

А часы про себя рассуждали: «Какая глупая эта роза. Время она не умеет показывать. Не понимаю, за что ее считают прекрасной?»

Тут мимо прополз черный жук. Он бросил взгляд на розу и на часы и подумал: «Бедняжки, они же совсем не черные!» И пополз дальше. Он спешил на день рождения к своей бабушке.

Потом в окно заглянула ласточка и тоже увидела розу и часы.

— Ха! — сказала она. — Что толку тикать и благоухать, если не умеешь летать? Летать! Что может быть прекраснее?

— Плавать! — сказала рыбка из круглого аквариума на подоконнике.

— Мяукать, — сказала кошка и выпрыгнула из окна в сад.

— Чавкать, — сказала свинья, жившая по соседству в хлеву.

— Раскачивать деревья, — сказал ветер.

— Поднимать ветер, — сказали раскачивавшиеся деревья.

Роза и часы все еще спорили, когда домой вернулся дядя Фред со своей женой.

— Ну а что ты считаешь прекрасным? — спросили они дядю Фреда.

— Например, мою жену, — ответил дядя Фред.

— Согласна, — сказала его жена и поцеловала дядю Фреда.

Про поросёнка, который учился летать

Однажды поросенок — а звали его Икар! — пришел к Волшебному источнику и попросил исполнить его желание. Ему давно уже хотелось научиться летать. Недаром его звали Икар.

— Если тебе очень хочется, я могу сделать так, что ты полетишь, — сказал Волшебный источник. — Но только для этого тебя сначала надо превратить в птицу.

— Нет, я хочу быть поросенком. Поросянком, который умеет летать, — сказал Икар.

— Но поросята не могут летать, — возразил Волшебный источник.

Икар очень огорчился и пошел домой. По дороге он думал только об одном: как бы все-таки научиться летать.

На другое утро пораньше он отправился в лес и попросил каждую птицу дать ему по перышку. Ну конечно, они ему дали.

— Наверное, ты хочешь научиться летать? — спросили они.

— Да, — ответил Икар.

Он связал все перья вместе, и получились крылья. Потом поднялся на вершину горы у самого берега моря. За ним следом взобрались туда кошка и мышка, птичка и два кролика, целая компания жуков и даже улитка — всем хотелось видеть, что у него получится.

Икар привязал крылья, взмахнул ими и медленно поднялся в вышину. Вот это было счастье! И все зрители тоже радовались, а самый маленький жучок чуть не умер от восторга.

Икар поднялся высоко-высоко, почти до самого солнца.

— Ай да поросенок! Ай да молодчина! — нахваливал он себя. — А Волшеб-

ный источник еще говорил, что поросята не могут летать. Могут!

И как раз в этот момент он так близко подлетел к солнцу, что веревки, которыми он привязал крылья, загорелись от солнечного жара. И крылья упали вниз. А за ними следом и поросенок. Он несколько раз перекувырнулся в воздухе и плюхнулся в море.

Бедный Икар совсем промок, хорошо еще, что он благополучно доплыл до берега и бросился бегом домой, к маме.

— Не огорчайся, мой маленький Икар, — сказала ему мама, — ведь ты все-таки ЛЕТАЛ!

И она дала ему джем и пирожное. А все друзья пришли к нему в гости и завели хоровод:

Поросенок Икар, наш дружок,
Собрались мы сегодня в кружок,
Чтобы петь и плясать.
Чтобы петь и плясать.
В честь того, кто умеет летать!

В тот же вечер Икар пошел навестить Волшебный источник. И, заглянув в глубокий-глубокий колодец, сказал, глядя на крохотный кружочек воды на самом дне:

— Ты прав, поросята не могут летать. — И по щеке его скатилась слеза.

— Выше голову, — сказал Волшебный источник, — ты все равно молодчина!

Муравей и сахар

У тетушки Люси был дом и сад. Тетушка Люси жила в доме, а в саду жили муравьи. Однажды муравей Томас сказал:

— Пойду-ка поищу чего-нибудь вкусенького!

Он подполз под дверь дома и попал в кухню, где стоял буфет. Потом по дверце буфета добрался до замочной скважины и — юрк! — внутрь.

В буфете он огляделся, увидел большую банку с сахарным песком и воскликнул:

— Как раз то, что я люблю!

И, не долго думая, стал уплетать сахар, который был сладкий, как всякий настоящий сахар. Томас ел и ел и становился толще и толще. Наконец он просто не мог уже есть.

Тогда он решил, что пора домой, и попробовал пролезть назад через замочную скважину. Но он до того растолстел, что не сумел пролезть.

Бедняга Томас сел и заплакал. Он знал, что мама будет ждать его и волноваться. Он еще раз попробовал пролезть через замочную скважину, но опять ничего не вышло — он стал слишком толстый.

Чтобы похудеть, пришлось заняться гимнастикой. Он делал наклоны и приседания, вдохи и выдохи — раз-два, раз-два. Бегал по буфету и вот наконец снова стал таким, как прежде.

Он уже собрался в обратный путь, как вдруг почувствовал, что совсем обессилел от голода.

«Недурно бы подкрепиться на дорожку», — подумал он и съел немножко сахара.

Сахар был вкусный, и он ел еще и еще — наверное, хотел набраться сил, чтобы быстрее добежать до дому. Но когда он полез в замочную скважину, ничего у него опять не вышло — он опять слишком растолстел.

И пришлось ему опять заняться гимнастикой. Раз-два, раз-два, раз-два.

Теперь уж Томас помнил: голоден не голоден, но, если хочешь попасть домой, к сахару лучше не притрагиваться. Он благополучно пролез через замочную скважину, спустился по дверце буфета на

пол, подполз под кухонную дверь и очутился в саду.

Вернувшись домой, он рассказал маме про свои приключения с сахаром. Тогда она созвала всех муравьев и сказала:

— Надо нам поговорить с тетушкой Люси.

И муравьи двинулись через сад к дому, подползли под дверь, потом через кухню попали в коридор, оттуда в гостиную тетушки Люси и по ковру до стула, на котором она сидела, потом вверх по ножке стула к ней на колени.

Тетушка Люси очень обрадовалась муравьям. Они хором рассказали ей, как Томас пробрался через замочную скважину буфета ДО САХАРА и не мог пролезть обратно ПОСЛЕ САХАРА.

И тетушка Люси пообещала, что отныне будет оставлять сахар в блюдечке на полу — специально для муравьев. И все муравьи по очереди поблагодарили тетушку Люси, щекотно поцеловали ее на прощание и вернулись домой.

Пингвинчик Джо и черепашка Джен

Жил-был пингвинчик Джо. Жил он с мамой в Антарктике.

Однажды сидел он на айсберге. Вдруг айсберг раскололся, и Джо уплыл на льдине в море.

Льдина плыла на север и приплыла в Карибское море. А в Карибском море жила черепашка Джен.

Джен очень любила плавать, и вот как-то раз, плавая в море, она поглядела наверх и увидела... собственно, она даже не сразу поняла, что она такое увидела.

— Что бы это могло быть? — подумала она. — Похоже на молодого пингвина,

если смотреть на него снизу вверх сквозь льдину. Да, я почти уверена, что это так!

Черепашка всплыла на поверхность и, действительно, увидела на льдине пингвинчика. Джен и Джо быстро стали друзьями. Они вместе играли, ловили рыбу и плавали среди скал.

А потом Джен спросила Джо:

— Хочешь узнать, как готовится черепаховый суп?

— Да, с удовольствием! — ответил Джо.

— Надо выбрать ясный, жаркий день, когда солнце печет вовсю, — сказала Джен. — Поставить на берег большую консервную банку и налить в нее — почти

до краев! — три четверти пресной воды и одну четверть морской. А потом попросить черепаху, чтобы она приняла в этой банке приятную теплую ванну.

Солнце будет припекать все сильнее и сильнее, вода в банке будет нагреваться все горячее и горячее, и черепахе тоже будет все горячее и горячее. Когда ей станет слишком горячо, она вылезет, чтобы поплавать в прохладном море, а в банку залезает другая черепаха.

Когда и ей станет слишком горячо, она тоже вылезет и нырнет в море. Для хорошего черепахового супа нужно по крайней мере пять черепах! А когда суп будет готов, придет человек и разольет черепаховый суп из большой банки во много-много маленьких, потом плотно их закроет и наклеит на банки этикетки. А теперь пойдем, я тебе все покажу, — закончила она.

И они поплыли к берегу и увидели там две большие консервные банки и десять черепах, готовивших по очереди черепаховый суп.

— Как интересно! — сказал Джо. — Жаль, что мне пора уже домой, а то мама будет беспокоиться.

— Что поделаешь, — вздохнула Джен. — Только ведь тебе придется очень долго плыть, чтобы попасть домой. Надо что-нибудь придумать. Вот что! Лучше мы посадим тебя в консервную банку и отправим по почте.

Джо залез в консервную банку, а Джен закрыла ее крышкой, зачеркнула на этикетке слово «Черепажный» и вместо него написала: «Пингвиновый!».

Потом наклеила на банку марки и сдала ее на почту.

На следующий день в айсберг, где жил миссис Пингвин, постучал почтал и вручил ей консервную банку.

— Благодарю, — сказала миссис Пингвин, поставила банку на льдину и принялась заниматься уборкой.

Закончив сметать пыль, она вернула к консервной банке.

— Суп, — прочитала она на этикетке. — Как мило! Суп... Что?! Пингвиновый суп? О, скорей, скорей, помогите!

Она достала консервный нож, открыла банку, и оттуда выскочил Джо.

Хочешь, хочешь, хочешь

Солнце освещало дерево, растущее в дальнем углу сада, легкий ветерок раскачивал его ветви, а листья шептали:

— Хочешь, хочешь, хочешь...

Это было волшебное дерево. Стоило встать под это дерево и задумать желание, как желание тут же исполнялось.

А в доме неподалеку от волшебного дерева жил толстый старикан. Звали его Уильям Кэдоген Смит. Он торговал в деревенской лавке мылом и терпеть не мог детей — мальчиков и даже девочек.

Однажды он встал под волшебное дерево и сказал:

— Хочу, чтобы все соседские девчонки и мальчишки очутились на Луне!

Не успел он это сказать, как все девочки и мальчики очутились на Луне.

Там было холодно и неудобно, и самые маленькие дети даже заплакали. Но мамы были далеко, и некому их было утешить.

Как только исчезли дети, птицы на волшебном дереве сразу смолкли. А дрозд сказал, глядя прямо на мистера Смита:

— Хочу, чтобы все дети вернулись!

Но мистер Кэдоген Смит перебил его:

— Нет, хочу, чтобы они оставались на Луне.

Тогда дрозд опять сказал:

— Хочу, чтобы они вернулись!

Дети совсем запутались, они толком не знали, где им были или на Земле. Мистер Смит так и сказал:

— Хочу, чтобы...

Но кончить не успел, как дрозд сказал:

— Хочу, чтобы мистер Смит стал добрым!

И мистер Смит, вместо того чтобы сказать, как он собирался: «Хочу, чтобы все дети оставались на Луне», вдруг передумал, поскреб затылок и сказал:

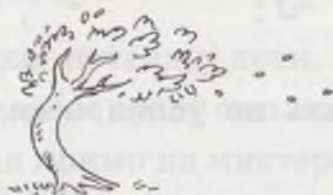
— Хочу, чтобы все дети пришли сегодня вечером ко мне в гости, я их угощу пирожными, апельсиновым желе и лимонадом. Больше я не буду продавать мыло, а вместо этого открою кондитерскую. И не

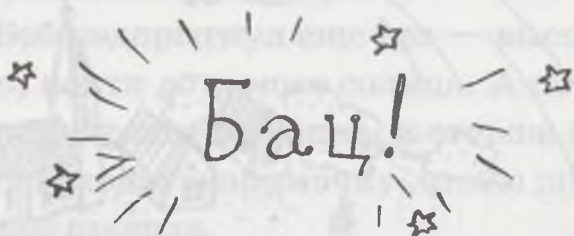
разрешу никому называть меня Уильямом Кэдогеном Смитом, пусть зовут просто Смит. Ура! Ура! Ура!

Он три раза прошелся колесом, и снова на дереве запели птицы.

Опять засветило солнце, легкий ветерок раскачивал ветви, а листья шептали:

— Хочешь, хочешь, хочешь...

В дыре в стене в комнате в доме в переулке в городе в стране в мире во вселенной жила-была мышка. Звали ее Элис.

Как-то раз Элис лежала на перинке, ела сыр и наблюдала за пауком на потолке, который старался перепрыгнуть с одной балки на другую.

Он висел на длинной нитке и изо всех сил раскачивался. Раз — туда, два — обратно, три — туда, бац! — он набил себе здоровенную шишку о балку и пополз назад к паутине. Настроение у него испортилось.

Он посидел, подумал и решил сделать последнюю попытку. На этот раз перепрыгнул.

Когда Элис надоело наблюдать за пауком, она побежала в зоопарк к своему приятелю Бобу — кенгуру.

Боб в этот день надел новые ботинки на каучуковой подошве, чтобы удобнее было прыгать.

Когда явилась Элис, он как раз тренировался.

— Смотри, как высоко я прыгаю! — сказал Боб и подпрыгнул.

Высоко-высоко, даже выше ограды; а потом еще выше — выше домов; а потом еще выше — даже выше башен и колоколен, а потом... но в эту минуту над ним

пролетал самолет, и Боб со всего размаха бац! — набил себе здоровенную шишку, стукнувшись о крыло самолета.

«Ну и ну! — подумала Элис. — Прямо как паук головой о балку».

Но Боб подпрыгнул еще раз — высоко-высоко, почти до самого солнца. А потом пошел к сторожу зоопарка, и сторож сделал ему холодную примочку, чтобы шишка скорее прошла.

После этого Элис и Боб вместе поужинали.

А после ужина Элис вернулась домой и делала холодную примочку пауку.

«Вот это друг!» — подумал паук.

Он устроился поудобнее в паутине и заснул.

Про жука и бульдозер

Однажды тигр, которого звали Сэм, лежал на кровати и крепко спал.

Жарило солнце, день был душный, но Сэм спал спокойно. Он был такой лентяй, что мог проспать хоть целый день.

В это время мимо проползал жук Уильям.

— У-ух, вот это кровать! Какая прелесть!

Он залез в кровать и улегся рядом с Сэмом. Скоро он тоже уснул.

Когда Сэм проснулся, он очень удивился, увидев рядом Билли. (Это ласкатель-

ное от Уильям.) Он не выносил, чтобы к нему в постель заползали жуки. И, набрав побольше воздуха, он дунул на жука. Уильям тут же проснулся.

«Как сегодня ветрено», — подумал он и вцепился всеми своими лапками в простыню.

— Сэм дунул сильнее, но выдуть Уильяма из постели все равно не удалось.

Тогда он решил:

— Если я его лизну, он, наверное, подумает, что пошел дождь, выползет из постели и побежит домой.

И тигр лизнул жука.

— Ой, кажется, дождь пошел, — сказал Билли, но вместо того, чтобы выползти, забился поглубже.

Бедняжка Сэм! Не удалось ему прогнать Билли из своей кровати. И он отправился через лес к дому, где стоял бульдозер.

Его звали Батч.

— Батч, помоги мне, пожалуйста, выгнать из кровати жука! — попросил его Сэм.

— С удовольствием, — сказал Батч.

Они пошли к тому месту, где стояла кровать Сэма, и Батч попробовал выгнать Билли из постели.

Но Билли держался крепко. Вокруг собрались все лесные звери, чтобы посмотреть, как Батч будет выгонять Билли.

Борьба завязалась жестокая. Батч выгонял, а Билли не выгонялся. Этот его — сюда, а тот — обратно!

Наконец все-таки выгнал. И Билли помчался домой, чтобы рассказать братьям и сестрам о своей великой битве с Батчем-бульдозером.

А Батч так устал от борьбы, что, заметив чистую удобную постель тигра, подумал: «Вздремну-ка я часок!»

Сэм был вне себя! Когда жук заползет в постель — еще туда-сюда, но бульдозер — это уже слишком.

И Сэм сбегал за водой и за машинным маслом, поставил то и другое не очень далеко от кровати, а потом разбудил Батча.

— Ты, наверное, проголодался, Батч? — спросил его Сэм.

— Конечно, — ответил Батч.

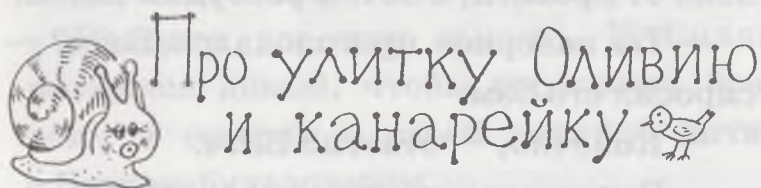
— Вон там стоит свежее масло и вода, — сказал Сэм.

Батч очень обрадовался. Он живо выскочил из постели и побежал пить масло и воду.

Не успел он выскочить, как Сэм тут же сам забрался в постель.

— Наконец я в своей собственной постели! — вздохнул он. — Теперь можно поспать.

Он съел в кровати бутерброд, запил молоком и заснул.

The illustration shows a snail on the left, facing right, with its shell and body clearly depicted. To its right is the title of the story, 'Про улитку Оливию и канарейку', written in a simple, child-friendly font. On the far right of the title is a small, simple drawing of a canary, facing left.

Про улитку Оливию и канарейку

Тысячу лет назад, когда король Типперрии был еще совсем молодой, в королевском саду в золотой клетке жила певунья канарейка.

Ее так и звали — Певунья. И вот как-то раз во время завтрака — а на завтрак у нее были кукурузные хлопья с молоком — она поторопилась, и хлопья застряли в горле, так что она чуть не задохнулась и ужасно раскашлялась:

— Кх-кх, кх-кх!

Так громко, что улитка Оливия, жившая в другом конце королевского сада, не на шутку перепугалась и поспешила через весь сад похлопать Певунью по спине, чтобы она перестала кашлять.

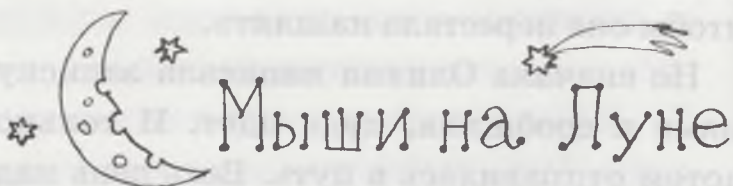
Но сначала Оливия написала записку маме и сообщила, куда идет. И только потом отправилась в путь. Весь день над головой палило солнце, но улитка храбро ползла вперед. И наконец в сумерки добралась до клетки, в которой жила Певунья.

— Кх-кх, кх-кх, — кашляла бедняжка Певунья.

Оливия изо всех сил похлопала ее рожками по спине, кукурузные хлопья выскочили из горла, и Певунья сразу перестала кашлять. Как хорошо! На радостях она открыла клюв и запела.

Лучшей песни Оливия в жизни не слышала!

С этого дня улитка Оливия и канарейка стали большими друзьями и чуть ли не каждый день ходили друг к другу в гости.

Мыши на Луне

Однажды вечером, когда я почти уже спал, я вдруг услышал, как кто-то скребется в окно и зовет меня.

Я подошел к окну, распахнул его и увидел моего знакомого с Луны по имени Джордж.

— Дорогой друг, — сказал он, — мне нужна твоя помощь.

— Всегда рад помочь, — сказал я. — Но сначала сядь, отдохни. Наверное, ты порядком устал с дороги. Хочешь чаю?

— С удовольствием, — сказал он.

Пошел я сразу в кухню,

Сказал я кошке: — Брысь! —

Но тут же извинился:

— Прости меня, кис-кис!

Я друга угощаю,
Он очень хочет чаю,
А ты лежишь тут на ходу.
— Сию минуту я уйду! —
Мяукнула она.
— Вот уж не думала-то я,
Что нам чаевничать пора,
Ура-ура! Ура-ура!

Я поставил одну чашку для кошки,
другую для Джорджа и третью для себя.

— Ну а теперь рассказывай, в чем
дело, — сказал я Джорджу.

— Мыши, — ответил он. — На Луне
столько мышей, что никто не хочет там
жить, и я не могу жениться. Женщины
больше всего на свете боятся мышей! Посо-
ветуй, как мне быть? А кроме того, мыши
едят Луну, и она делается все тоньше
и тоньше, уже остался один тоненький ме-
сяц. В конце концов они и его доедят и при-
дется мне делать Луну снова. И так повто-
ряется каждые двадцать восемь дней!

Что такое Луна — вы не знаете, дети?

А Луна — это свежего сыра головка.

И голодные мыши на вкусной планете
Расправляются с нею проворно и ловко.

— Да, плохо дело. Чем же я могу тебе
помочь?

Тут мы с моей кошкой переглянулись.

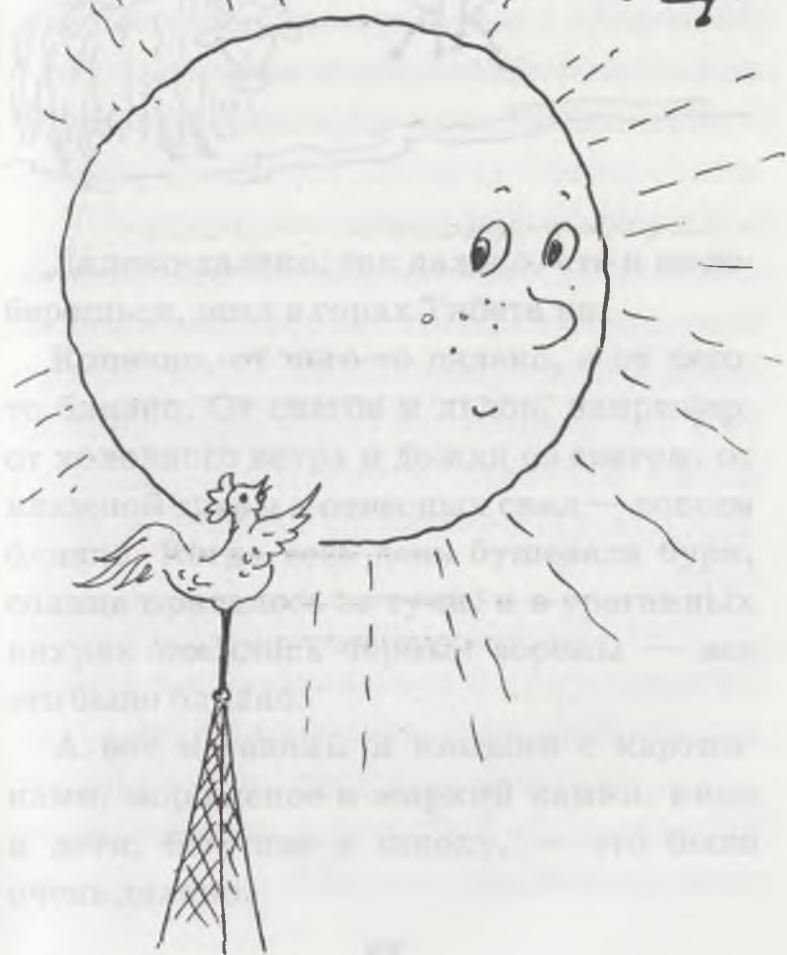
— Мяу-мяу! — сказала она.

— Прекрасно, — ответил я. — Прекрасно,
прекрасно!

Кошка отправилась с Джорджем на
Луну и распугала там всех мышей.

Теперь она уже вернулась и по-
прежнему спит у меня в кухне. А Джордж
наконец-то женился. Жену его зовут
Мэри. И он очень счастлив. Единственная
беда — Мэри слишком любит сыр.

КУКАРЕКУ И СОЛНЦЕ

Далеко-далеко, так далеко, что и не доберешься, жил в горах Тибета як.

Конечно, от чего-то далеко, а от чего-то близко. От снегов и льдов, например, от холодного ветра и дождя со снегом, от влажной травы и отвесных скал — совсем близко. Когда весь день бушевала буря, солнце пряталось за тучи, и в ураганных вихрях носились черные вороны — все это было близко.

А вот магазины и книжки с картинками, мороженое и жаркий камин, кино и дети, бегущие в школу, — это было очень далеко.

У яка не было имени, поэтому мы будем звать его просто Як.

Больше всего на свете Як любил сидеть в укромном местечке среди скал и слушать море. Он где-то нашел морскую раковину — очень красивую, с крутым завитком, — и когда прикладывал ее к уху, то слышал шум морских волн.

Как попала туда морская раковина — никто не мог сказать. Но как-то попала, и Як любил ее слушать.

Днем Як обычно прятал свою раковину от других яков и от ворон, зато ночью, когда зажигались звезды, он усаживался в тихое местечко среди скал, прикладывал раковину к уху и слушал, слушал и мечтал — как бы попасть на берег моря...

И вот однажды, прихватив с собой любимую раковину и попрощавшись с остальными яками, он отправился в путь.

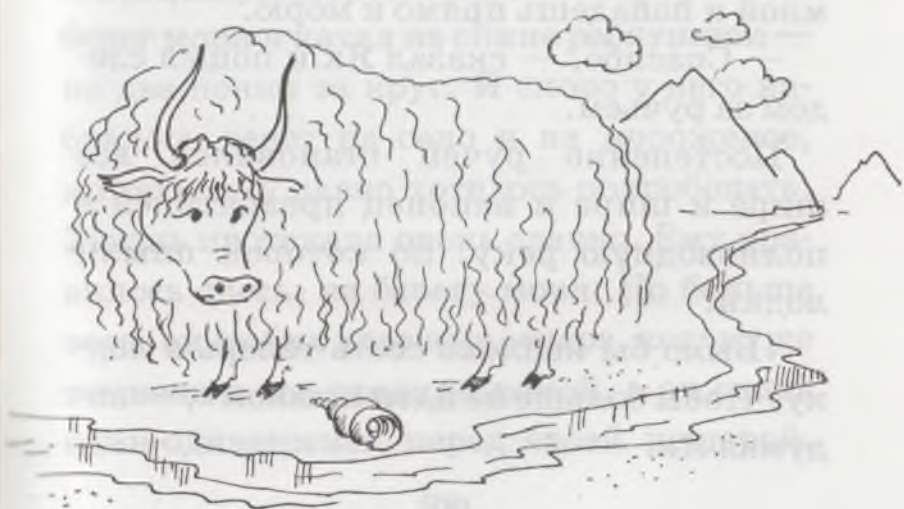
Вы, наверное, спросите, как же Як нес раковину? Да он просто нацепил ее на свой правый рог.

Як не знал дороги, но решил: «Буду идти, пока не дойду до моря». И шел так весь день, а вечером пощипал травы, послушал шум моря и заснул.

Он шел еще день и еще, но до моря все равно не дошел.

Вокруг были горы и горы. Иногда Як видел вдали стадо лам, а однажды — орла, парящего в небе. Но моря что-то не было видно.

Однажды Як остановился попить из горного ручья. Настроение у него было невеселое. Он приложил к уху свою раковину и, усевшись на берегу, стал слушать.

А ручей бежал своей дорогой, прыгая по камням, и весело журчал. Заметив Яка, он очень удивился и спросил:

— Что ты тут делаешь?

— Слушаю, — ответил Як.

— Дай и мне послушать, — попросил ручей.

Як поднес раковину к воде, и ручей прислушался.

— Это шум моря! — обрадовался ручей. — Ну да, шум моря!

— А ты знаешь туда дорогу? — спросил Як.

— Знаю ли я дорогу! — возмутился ручей. — Да я как раз туда и бегу. Следуй за мной и попадешь прямо к морю.

— Спасибо, — сказал Як и пошел следом за ручьем.

Постепенно ручей становился все шире и шире и наконец превратился в полноводную реку, по которой плыли лодки.

«Было бы неплохо сесть теперь в лодку, чтобы больше не идти пешком», — подумал Як.

Он нанял себе лодку и поплыл дальше в лодке. Лодка была с большим красным парусом, и, когда дул ветер, Як просто сидел и отдыхал.

Наконец он добрался до моря. Какое это было чудо! Як сел на песочек и стал наблюдать за волнами. Они шумели совсем так же, как прибой в его раковине.

Як был счастлив.

«Здесь гораздо лучше, чем в холодных, мокрых горах», — думал он.

На ночь он устроился в пещере.

У моря было жарко, и Як пошел к парикмахеру, чтобы парикмахер подстриг его длинную шерсть. А потом вернулся на берег моря и катал на спине ребятишек — по два пенни за круг. И скоро у него набралось денег на сено и на мороженое, которое ему давно хотелось попробовать. Жизнь протекала очень славно. Ему нравилось здесь, на берегу моря. Но больше всего он любил длинные вечера, когда уже темнело и все уходило домой, а он сидел один-одинешенек перед своей пещерой,

слушал шум волн и следил за кораблями в открытом море и за солнцем, уходящим за горизонт. Когда становилось совсем темно, одна за другой зажигались звезды, а море плескалось и плескалось о берег.

Три шляпы мистера Кепи

У мистера Кепи было три шляпы, и на улицу он выходил всегда в трех шляпах сразу. Все, кто жил на Хай-стрит: и доктор, и зеленщик, и трубочист — словом, все-все думали: «Какой вежливый этот мистер Кепи! Он три раза снимает шляпу, когда здоровается».

Идя по улице, мистер Кепи любил напевать песенку:

Я — славный мистер Кепи.

Три шляпы я ношу,

Знакомого заметив,

Их приподнять спешу.

И я, поверьте, очень рад
Три шляпы поднимать подряд.
Ура, ура, я очень рад
Три шляпы поднимать подряд!

Но иногда мистер Кепи испытывал некоторую неловкость — для трех шляп у него было всего две руки, поэтому одновременно он мог приподнять только две шляпы, а чтобы снять третью, ему приходилось вторую шляпу брать под мышку.

«Как бы мне хотелось снимать все три шляпы одновременно», — подумал он однажды. А как раз в это время на улице показалась кошка мистера Кепи — Мурми.

— Ты куда, Мурми? — спросил ее мистер Кепи.

— В рыбную лавку, — ответила Мурми.

— Так прыгай ко мне на плечо, — предложил мистер Кепи, — и, если нам повстречается доктор, или зеленщик, или трубочист, или жена доктора, или жена трубочиста, или еще кто-нибудь, будь добра, приподними, пожалуйста, одну из моих шляп.

— Что ж, можно, — согласилась Мурми и прыгнула к мистеру Кепи на плечо.

Тут им навстречу вышла миссис Смак, жена доктора.

— Доброе утро, миссис Смак! — сказал мистер Кепи, приподнимая одной рукой одну шляпу, другой — другую, а Мурми — третью.

— Доброе утро, мистер Кепи! — ответила миссис Смак и подумала: «Какой вежливый человек!»

А мистер Кепи сказал своей Мурми:

Ты — лучшая из кошек!

Тебе пожму я лапу

За то, что

С головы моей

Сейчас сняла ты шляпу.

Про попугая Эрни, который заболел корью

Мистер Стол — столяр, его кот Гримбл и голубой попугай Эрни жили все вместе в маленьком домике. Днем, когда мистер Стол уходил на работу, Гримбл спал в кухне на стуле, а Эрни прыгал в клетке по жердочке, гляделся в зеркало и клевал зернышки.

Время от времени Гримбл просыпался, потягивался, смотрел, как Эрни прыгает по жердочке, и снова засыпал.

И вот как-то раз, когда Гримбл проснулся и поглядел на клетку, он не увидел на жердочке Эрни. Попугай сидел непод-

вижно в углу клетки. Он весь покрылся красными пятнышками.

— Клянусь моими когтями и котятками! — воскликнул Гримбл. — У Эрни корь! Надо поскорей вызвать хозяина, чтобы он сходил за доктором.

Но мистер Стол работал в другой части города на большой фабрике, и Гримбл даже не знал, как туда пройти. Что было делать? Он посидел, подумал и скоро придумал (Гримбл был очень умный кот). Он подошел к окну, вскочил на подоконник, а оттуда — прямо на лужайку.

Стояло ясное утро, светило солнце, и анютины глазки на газоне во все глаза смотрели на мир.

Гримбл подошел к анютиным глазкам и сказал им:

— Закройте, пожалуйста, глазки, как будто уже ночь!

— Хорошо, Гримбл, — ответили анютины глазки и свернули свои лепестки.

Как только они зажмурились, на лужайке стало темно, как ночью. Но в соседнем саду был еще ясный день, там анютины

глазки смотрели во все глаза. Но когда они увидели, что на лужайке через забор темно, они скорей зажмурились, и здесь тоже стало темно, как ночью. А следом за ними цветы закрылись и во всех остальных садах, и скоро во всем городе настала ночь.

Часы на городской башне только-только пробили одиннадцать и очень удивились, что уже стемнело.

«Должно быть, мы отстали, — подумали они, почесав стрелкой затылок. — Неужели уже вечер?»

И они затикали быстро-быстро — в жизни они так быстро не тикали! — и тут же пробили шесть часов.

Когда директор фабрики, на которой работал мистер Стол, услышал, что часы на городской башне пробили шесть, он выглянул в окно, увидел, что уже стемнело, и решил, что пора распускать рабочих по домам. Он дал гудок, рабочие кончили работу, надели пальто и пошли по домам.

Как только мистер Стол вернулся домой, он тут же увидел, что у Эрни сыпь, и поспешил за доктором. Узнав, что у Эрни красная сыпь, доктор пришел немедленно.

— Так-так, — сказал доктор. — Кажется, и в самом деле корь в легкой форме. Скажи-ка мне, дружок: «Девяносто девять».

— Девяносто девять! — сказал мистер Стол.

— Не вы, мистер Стол, — сказал доктор. — Мне нужно, чтобы Эрни показал свои десны.

— Девяносто девять, — сказал Эрни.

— Да-да, несомненно корь, — сказал доктор. — Ну ничего, он скоро поправится.

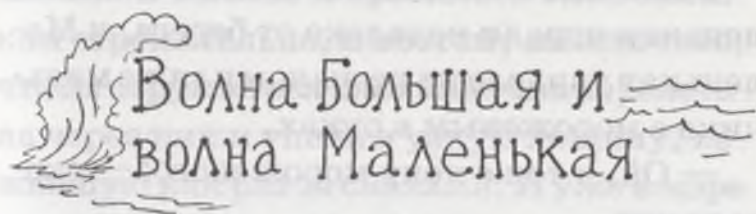
Доктор оставил лекарство для Эрни и сказал, что завтра опять зайдет.

— А пока, — сказал он, — может быть, Гримбл присмотрит за ним?

— Конечно, присмотрит, — сказал мистер Стол. — Гримбл очень умный кот.

Через неделю Эрни стало лучше, и он весь день опять прыгал по жердочке, а Гримбл спал в кухне на стуле и ждал, когда вернется с работы мистер Стол.

Волна Большая и волна Маленькая

Жили в море две волны — большая и маленькая. Большую волну так и звали Большая, а маленькую — Маленькая.

Они были очень дружны и плавали всегда вместе. Волна Маленькая относилась ко всем дружелюбно, она играла и с рыбами, и с ветром, и с другими волнами. А вот Большая волна была очень свирепая, она била и крушила все на своем пути.

Особенно она любила налетать на корабли. Она вздымалась выше мачт, а потом обрушивалась с высоты на палубу и заливала ее водой.

Еще ей нравилось с разбегу налетать на скалы, словно она хотела опрокинуть их, смыть, уничтожить.

И только к Маленькой волне она оставалась всегда доброй и сдерживала свой свирепый нрав.

Однажды волна Большая и волна Маленькая играли недалеко от берега, и Маленькая увидела на песчаном пляже мальчика с мороженым в руках.

— Ой, я тоже хочу мороженого! — сказала она.

— Сейчас ты его получишь! — сказала Большая.

Она с разбегу налетела на мальчика, выхватила у него мороженое и отдала волне Маленькой. Маленькая мигом его слизнула. Мороженое оказалось очень вкусное. Клубничное!

После мороженого Маленькая волна спросила:

— А что теперь будем делать?

— Что? Смотри! — сказала Большая. — Видишь вон те скалы? Сейчас они узнают, что такое настоящий удар. Я им покажу! Гляди!

И волна Большая поднялась высоко-высоко, в три раза выше самих скал, а потом стремительно обрушилась на них. Ух, держись! Скалам даже стало жутковато, и они сдвинулись плотнее.

Однако волна Большая поднялась слишком высоко и бросилась вниз слишком стремительно, и поэтому вместо того, чтобы обрушиться на скалы, она перелетела через них и упала в узкую лощину, лежащую как раз за скалами. И уже в море вернуться не могла. Она была заперта! Волна билась, кидалась, плескалась, но все попусту. Она оказалась в плену.

— Помогите! — закричала она. — Помогите!

В это время над лощиной пролетала утка Миранда. Она опустилась на скалу и спросила:

— Что случилось?

— Видишь, я не могу отсюда выйти, — сказала волна Большая. — Я в плену. Помоги мне, прошу тебя!

— Нет, я не хочу тебе помогать! — сказала Миранда. — Ты на всех нападаешь,

топишь корабли и даже норовишь разрушить скалы. А только что я своими глазами видела, как ты отняла у мальчика мороженое.

Но тут Миранда услышала, что кто-то плачет по другую сторону скал. Она посмотрела на море и увидела волну Маленькую.

— О чем ты? — спросила ее ласково Миранда.

— Я хочу к Большой волне, — сказала Маленькая. — Она там, в плену за скалами, а лазить по скалам я не умею. — И Маленькая опять заплакала.

— Большой волне я помогать не буду! — сказала Миранда. — Она этого не заслуживает. И ей вовсе незачем возвращаться в море! Но тебе я помогу, если ты согласна перебраться за скалы.

— Согласна! — сказала волна Маленькая.

— Ты хорошенько подумала? — спросила Миранда.

— Хорошенько, — ответила волна Маленькая.

— Ну тогда следуй за мной!

И она показала волне Маленькой, где лучше выбраться на песок. А потом вырыла лапкой в песке канавку и велела волне Маленькой плыть по канавке вокруг скал. Так волна Маленькая и сделала и скоро очутилась в горной лощине.

Друзья обрадовались встрече и даже расцеловались.

— Как я рада тебя видеть, — сказала волна Большая.

— И я рада видеть тебя, — сказала волна Маленькая.

— Знаешь что, давай станем одной волной и будем всегда вместе, — предложила волна Большая.

— Давай, — согласилась волна Маленькая и при этом даже всплеснулась от радости.

И вот две волны соединились.

Так образовалось горное озеро, которое славится анемонами.

Рыба с жареной картошкой

Дэнис, баклан, жил на бакене в Голэйской бухте. Бакен звали Маргарет.

Ночью Дэн спал на бакене, а днем сиделся на самый его край и, вытянув шею, высматривал в бледно-зеленой морской глубине рыбу.

Заметив добычу, Дэн нырял поглубже и выплывал уже с рыбой в клюве. Он любил подкинуть рыбку вверх, разинуть пошире клюв, а потом схватить ее на лету и мигом проглотить.

Дэн очень любил рыбу. Он ел ее и на завтрак, и на обед, и на чай, и на ужин. Рыба никогда ему не надоедала.

Однажды над песчаной отмелью пролетала куропаточка Элис, и ветром ее отнесло в открытое море. В этот день она летала в гости к бабушке и теперь возвращалась домой, на родное болото.

Элис очень устала и вдруг увидела посреди моря бакен, а на бакене Дэниса. Дэн очень обрадовался ей.

— Оставайся со мной, мы вместе поужинаем, — предложил он. — Сегодня на ужин рыба!

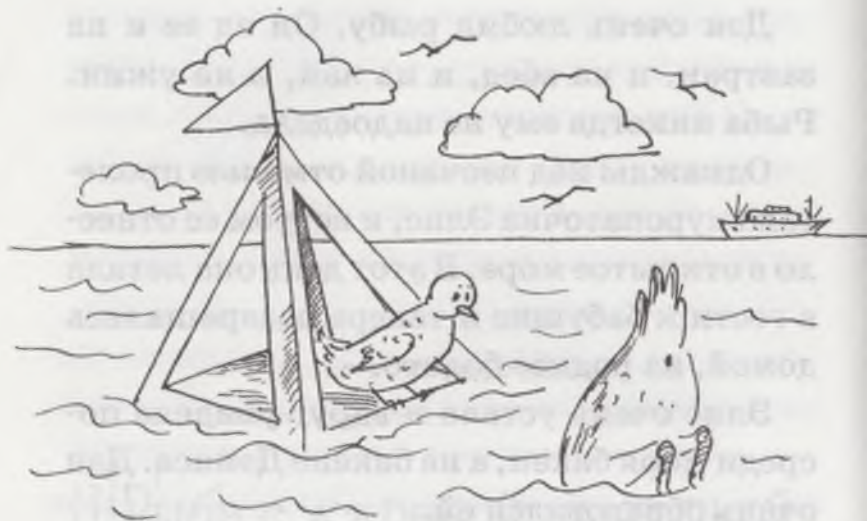
— Рыба? — удивилась Элис. — Я никогда в жизни не пробовала рыбы. Она вкусная?

— Очень вкусная! — воскликнул Дэн. — На свете нет ничего вкуснее рыбы!

И с этими словами он нырнул с бакена и тут же выплыл со сверкающей серебряной рыбкой, которую протянул Элис.

Элис внимательно оглядела рыбку и спросила:

— А как ее едят?

— Вот так! — сказал Дэн, подкинул рыбку вверх, а потом поймал и проглотил. — Подожди минутку, я тебе еще одну достану.

Он опять нырнул в море и опять выплыл с рыбкой в клюве, правда, на этот раз совсем маленькой.

— Попробуй эту, — сказал он.

Элис подбросила рыбку вверх, открыла свой малюсенький клюв как можно шире и мигом проглотила рыбку.

«До чего же невкусно! Какая гадость!» — подумала она.

— Ну как, вкусно? — спросил Дэн.

— Да, спасибо, — ответила Элис. Она была очень вежливая куропатка. — Очень вкусно.

— Тогда подожди, я тебе еще одну достану, — сказал Дэн.

— Нет-нет, не надо, — поспешила сказать Элис. — Я никак не могу задерживаться. Большое спасибо за все. До свидания!

И она улетела.

Вернувшись домой, она запряталась в вереск и сладко проспала всю ночь. А наутро ярко сияло солнце, и Элис вдруг вспомнила про Дэна. «Какой он умный и добрый, — подумала она. — Хорошо бы пригласить его в субботу на ужин».

Она написала Дэнису письмо с приглашением на ужин и опустила его в ближайшем городе.

Дэнису, баклану

Бакен Маргарет

Голуэйская бухта

Дэн очень обрадовался письму и тут же ответил, что принимает приглашение. На конверте он написал:

Элис, куропатке

Четвертая вересковая полянка справа.

*Болото, что неподалеку от площадки
для гольфа*

Голуэй

В субботу Элис встала пораньше и приготовила все к приему Дэна. Она была куропатка смышленная и знала, что бакланы не то, что сухопутные птицы, — они не любят ягод и зерен. А что они любят, ей было хорошо известно, поэтому она слетала в город и вернулась с большущей связкой рыбы и с пакетом жареной картошки.

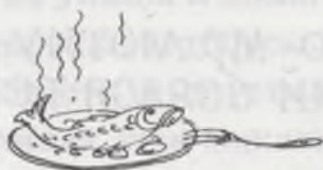
Скоро на вересковую полянку прилетел Дэн. Стол был уже накрыт. Начался пир! Дэн впервые попробовал жареной картошки.

— Хруст-хруст-хруст, — жевал он. — Рыба с жареной картошкой даже вкус-

ней, чем просто рыба. А можно я и в следующую субботу прилечу к тебе в гости?

— Конечно! Можешь прилетать каждую субботу, — сказала Элис.

И Дэн прилетал каждую субботу, и каждый раз Элис угощала его рыбой с жареной картошкой.

Про малютку-автобус, который боялся темноты

Жил-был на свете малютка-автобус. Он был ярко-красного цвета и жил с папой и мамой в гараже. Каждое утро все трое умывались, заправлялись бензином, маслом и водой, а затем везли пассажиров из деревни в большой город у моря.

Туда и обратно, туда и обратно.

Малютка-автобус часто проделывал этот путь днем, но поздно вечером ездить ему не приходилось. К тому же он очень боялся темноты. И вот мама сказала ему:

— Послушай-ка одну историю! Давным-давно Темнота очень боялась автобусов.

И ее мама — а была она прекрасней белой лилии — сказала ей: «Не надо бояться. Если ты вечером побоишься выйти, чтобы укутать мир тьмой, люди так и не узнают, что пора спать. И звезды не узнают, что пора светить. Ну, смелей же!»

И вот Темнота, весь день прятанная за спиной солнца, начала потихонечку спускаться на улицы и дома. По городу туда-сюда сновали автобусы. Темнота набралась храбрости и спустилась чуть пониже. На улицах уже зажглись огни, и водители автобусов тоже зажгли в своих машинах свет.

Наконец Темнота укутала весь город, но не успела она опомниться, как, гудя на ходу, сквозь нее промчался автобус. Какая неожиданность! Но ей понравилось. Пожалуй, немножко щекотно, но очень мило.

Потом сквозь Темноту промчалось еще несколько автобусов. В них горел свет, люди в автобусах покупали билеты, сидели, вставали — словом, прекрасно проводили время.

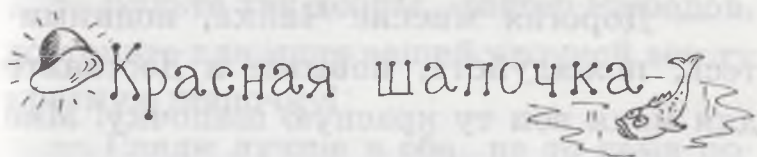
Позднее, когда вышла луна, Темнота играла в прятки с домами. А утром опять взошло солнце и отправило Темноту домой, к маме. Но теперь Темнота уже не боялась автобусов.

Когда мама-автобус кончила свою историю, малютка-автобус сказал:

— Ладно, поеду.

Пришел водитель, завел мотор, зажег свет, пришли люди, расселись по местам, кондуктор дал звонок, и маленький автобус поехал прямо в темноту по Главной улице к большому городу, у моря.

Красная шапочка-

Жила-была на свете Рыбка. Вместе с другими рыбами она плавала в море, и ей казалось, что море под ней темное-темное. Чем глубже, тем темней. А когда она смотрела вверх, то видела голубое небо и в небе красную шапочку.

«Вот бы мне эту красную шапочку!» — мечтала она.

И однажды она попрощалась с остальными рыбами и поплыла вверх, вверх и вверх, пока не доплыла до самой морской поверхности. Куда ни глянь, вокруг

было море, на море большие корабли, а над морем — синее небо, белые облака и красная шапочка.

Рыбка старалась всплыть еще выше, но все старания ее были напрасны: не могла же она совсем выпрыгнуть из воды.

И она обратилась к Чайке, пролетающей над морем.

— Дорогая миссис Чайка, поднимитесь, пожалуйста, повыше и достаньте для меня вон ту красную шапочку! Мне она очень нравится.

Но Чайка ответила ей:

— Лучше уплывай подальше, не то попадешь мне на завтрак!

И с этими словами Чайка нырнула в воду и попробовала поймать Рыбку своим большим, острым и желтым клювом. Но Рыбка юркнула в глубину и была такова.

В другой раз Рыбка увидела в лодке Рыболова с длинной удочкой, на конце которой, конечно, был крючок. Она вынырнула из воды и сказала:

— Будьте так добры, мистер Рыболов, достаньте для меня вашей удочкой вон ту красную шапочку!

— Гляди лучше в оба, не то сама попадешь ко мне на удочку! — сказал Рыболов.

И он поднял удочку над головой, взмахнул ею три раза, а потом закинул подальше, чтобы подцепить на крючок Рыбку, но промахнулся, и Рыбка уплыла.

Наконец Рыбка приплыла к реке и увидела на берегу реки слона. Слон напевал себе под нос песенку:

Слон — очень толстый и большой,

Жует он грустно день-деньской.

Траву он ест, а между тем

Он любит земляничный джем.

Рыбка крикнула ему:

— Достань мне, пожалуйста, своим длинным хоботом вон ту красную шапочку!

Слон потянулся хоботом за красной шапочкой, тянулся, тянулся, что было сил, но так и не дотянулся.

— Не выходит, — сказал он. — Лучше я подхвачу тебя хоботом, закину повыше в небо, и ты сама достанешь красную шапочку.

И слон, подхватив Рыбку хоботом, подбросил ее высоко-высоко, выше облаков, в самое синее небо. Рыбка глянула — а вместо красной шапочки в небе оказалось красное солнышко. И Рыбка с громким всплеском шлепнулась назад в море.

Рыбы окружили ее и спрашивают:

— Что же ты вернулась без красной шапочки?

— Это вовсе не красная шапочка, — отвечала им Рыбка, — это солнце.

Но они смеялись над ней и говорили:

— Нас не обманешь, это красная шапочка!

Носорог и добрая фея

Много-много лет тому назад, когда все папы были еще маленькими мальчиками, жил на свете носорог, по имени Сэм.

Он был очень и очень толстый, но это его ничуть не огорчало. Он чувствовал себя совершенно счастливым и каждый вечер перед сном пел песенку:

Носо-носо-носо-роги
Всё съедают по дороге
И не думают о том,
Что случится с животом.

Потом съедал сто шоколадных печений, запивал их стаканом молока и засыпал.

Но по ночам ему снился сон, каждый раз один и тот же. Ему снилось, что кто-то его щекочет. Сначала чуть-чуть, потом сильнее и, наконец, так, что не было мочи терпеть. Из-за этого Сэм беспокойно крутился во сне и каждую ночь падал с кровати.

А так как он был очень большой и толстый, то и падал с постели очень громко — бух!!! И все, кто жил по соседству, были недовольны и жаловались, что он слишком шумный и беспокойный носорог.

Бедняга Сэм не знал, что и придумать. И вот он пошел за советом к мудрой сове, жившей на старом дубе. Сову звали Джу-

ди, она умела читать, писать и считать, а по пятницам чистила себе когти.

Сэм рассказал Джуди, что он каждую ночь падает с кровати и будит своих соседей и они на него жалуются, а что сделать, чтобы не крутиться во сне, он не знает; может быть, Джуди научит его?

— Знаю, знаю, — сказала Джуди, — попроси добрую фею, она тебе поможет.

— Фею так фею, — согласился Сэм.

И он сказал про себя «фея», «фея» и еще раз «фея». Как только он в третий раз сказал «фея», в траве что-то зашуршало и появилась фея, хорошенькая, как лютик. В правой руке у нее была серебряная палочка.

Пока Сэм рассказывал ей о своих неприятностях, она гладила его по носу. Сэм рассказал ей обо всем: как он ложится в постель, съедает сто шоколадных печений, запивает их молоком и засыпает. И как ему снится, что кто-то его щекочет, и он крутится во сне, и падает с кровати, и соседи на него жалуются.

— Ах, какой глупый носорог, — сказала фея. — Ну кто же ест шоколадное печенье в постели? А про крошки ты забыл? Конечно, щекотно! И ничего удивительного, что ты падаешь с постели.

— Но что же мне делать? — спросил Сэм. — Если я откажусь от плотного ужина, я похудею.

— Я помогу тебе, — сказала фея. — Зажмурь глаза и не подглядывай.

Сэм зажмурил глаза, а фея взмахнула серебряной палочкой над Джуди и превратила ее в канарейку.

— Что со мной сделали? — удивилась Джуди.

— Не сердись, — сказала фея, — зато теперь ты можешь клевать шоколадные крошки.

— Ну тогда ладно, — согласилась Джуди, — канарейка так канарейка.

Она расправила желтые перышки и пропела:

Комары и мошки,
Комары и мошки,

Слон любит печенье,
А канарейка крошки.

Сэм открыл глаза.

— Ешь мои крошки, ешь на здоровье! — обрадовался он. — Ну да! Они-то мне и не давали спать. Спасибо тебе, добрая фея, большое-большое спасибо. Теперь мне не будет щекотно и я перестану крутиться во сне и падать с кровати. Ура!

— До свидания! — сказала добрая фея. Она поцеловала Джуди и Сэма и, взмахнув палочкой, исчезла.

А Джуди и Сэм вернулись домой. С тех пор всё пошло хорошо. Сэму больше ничего не снилось, и он больше не крутился во сне и не падал с кровати. Все соседи считали его теперь замечательным носорогом и говорили, что ему очень повезло: у него есть верный друг, который подъедает все крошки.

Иногда ранним утром Сэм спускался к реке и пел такую песенку:

Комары и мошки,
Комары и мошки,

Канарейка Джуди
Очень любит крошки.

И теперь я уже —

Ура! Ура! —

Не верчусь, не кручусь,

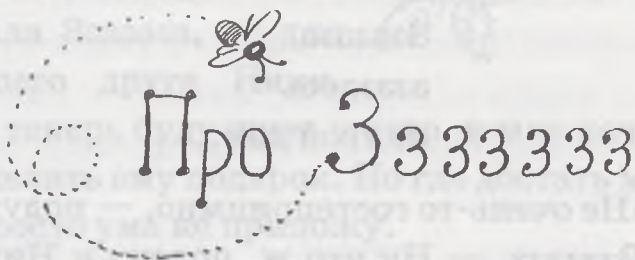
А сплю до утра.

Да здравствует Джуди!

Да здравствую я!

Канарейка Джуди
Канарейка Джуди

Про Зззззззз

Жил-был на свете огромный кит. Звали его Ники. Он был такой большой, что между кончиком его носа и кончиком его хвоста могли встать, взявшись за руки, тридцать три мальчика и девочки.

Как вы думаете, что Ники любил больше всего на свете? Оказывается, мед.

У Ники была подруга, которую звали Ззззззз. Ззззззз была мухой и жила у мамы на кухне.

Однажды Ззззззз вышла прогуляться по потолку и вдруг заметила на кухонном столе мамину записку.

.МОД ЙОВТ ЭН

ЭЭЭЭЭЭЭ

ЭЭЭЭЭЭЭ

Эээээээ слетела вниз с потолка, села на кухонный стол и прочитала записку.

Эээээээ,

ээээздесь

не твой дом.

«Не очень-то гостеприимно, — подумала Эээээээ. — Ну что ж, полечу к Ники. По крайней мере он-то ко мне хорошо относится».

Эээээээ попрощалась с кошкой Мурми и вылетела в окно. В саду она увидела пчел.

«Была бы я пчелой, — подумала она, — собирала бы мед...»

Но пчелой она не была и собирать мед не умела. А ей очень хотелось угостить Ники медом. И она села на розовый куст, чтобы подумать, как же быть. А рядом села ее приятельница пчела, которую звали Жжжжжжж.

— О чем задумалась, Зззззз? — спросила пчела.

— Хотелось бы мне разззздобыть немножко меду, — сказала Зззззз, — для моего друга Ники.

Я теперь буду жить у него, и мне хочется сделать ему подарок. Но где достать меда, просто ума не приложу.

— Нет ничего проще, — сказала Жжжжжжжж и шепнула ей что-то на ухо.

Ззззззз очень довольная полетела скорее к морю, где жил Ники.

Она прилетела туда, как раз когда Ники вздремнул после обеда.

Ззззззз опустилась к киту на спину тихо-тихо, на цыпочках, чтобы не разбудить его, поставила рядом кувшин, сняла с кувшина крышку и стала ждать.

Вскоре она услышала издалека жжжжжжжжжжание. «Жжжжжжжжжж» становилось все громче, громче и громче, и наконец показалась пчела. Пчела подлетела

к кувшину и капнула туда капельку меду. За ней прилетели еще пчелы и тоже капнули по капельке меду. Пчел налетела целая армия, и вскоре кувшин наполнился медом до краев. Потом пчелы попрощались с Ззззззз и улетели к себе домой.

А тут и Ники проснулся. Увидев кувшин с медом — подарок Ззззззз, — он открыл пошире рот, и Ззззззз вылила ему в рот весь мед.

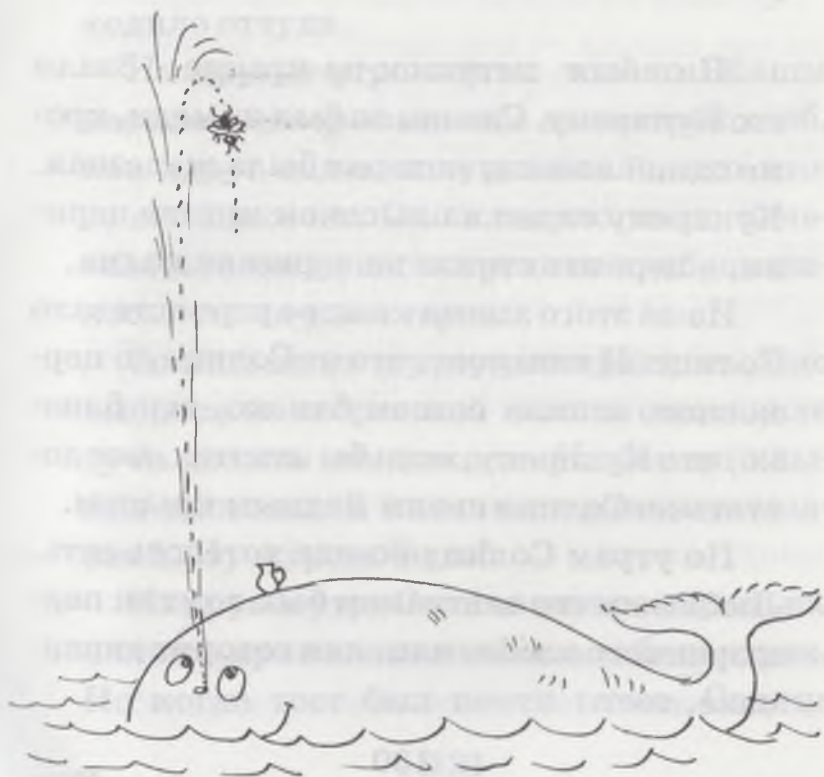
— До чего вкусно! — сказал Ники и крепко-крепко поцеловал Ззззззз. А потом сладко зевнул. — Где ты, Ззззззз? — спросил он. — Улетела, наверное. Ну что ж, можно еще часочек соснуть.

А Ззззззз никуда не улетала, она просто прилипла. Ей пришлось немало потрудиться, чтобы отлепить сначала одну ногу, потом другую, потом все остальные. Наконец она освободилась и пошла гулять по китовой спине. Ники был такой длинный, что Ззззззз шла от кончика его носа до кончика его хвоста целый час.

Когда Зззззз вернулась с прогулки, Ники уже совсем проснулся, и они стали играть в любимую игру Зззззз. Зззззз садилась киту на нос, Ники пускал фонтан, и Зззззз взлетала в воздух.

А капитаны встречных кораблей смотрели на них в подзорную трубу и говорили:

— Недурно развлекается эта муха!

Кукареку и Солнце

Жил-был петушок-на-крыше. Звали его Кукареку. Сделан он был из меди, кроме одной ножки, которая была железная. Кукареку сидел на высоком шпиле церкви, а церковь стояла на вершине холма.

Из-за этого холма каждое утро вставало Солнце. И казалось, что от Солнца до церковного шпиля совсем близко, так близко, что Кукареку, если бы захотел, мог достать до Солнца своим медным крылом.

По утрам Солнцу всегда хотелось есть. Любимым его завтраком был ломтик поджаренного хлеба, или, как говорят англичане, тост.

Однажды Солнце готовило себе завтрак и вдруг почувствовало, что кто-то его щекочет. Оно глянуло вниз. Но ничего, кроме петушка-на-крыше и церковного шпиля, не заметило.

Солнце почесалось, огляделось и хотело дожарить свой хлеб, но оказалось, что он совсем сгорел — один уголек остался.

У Солнца испортилось настроение. Оно скрылось за облака и целый день не выходило оттуда.

На другое утро опять: только Солнце начало поджаривать себе на завтрак хлеб, как вдруг опять почувствовало, что кто-то его щекочет. Оно глянуло вниз, почесалось, а когда посмотрело на хлеб, оказалось, что он уже сгорел.

Солнце не на шутку рассердилось. Оно выбросило сгоревший тост и заставило тучи полить его дождем. На землю хлынул настоящий ливень с громом и молнией. Ну и гроза была!

На другое утро Солнце встало пораньше и опять принялось готовить себе завтрак. Но когда тост был почти готов, Солнце

почувствовало, что его опять кто-то щекочет. На этот раз Солнце не сводило глаз с тоста, оно почесалось не глядя. Правда, легче не стало, все равно было ужасно щекотно, и разочек Солнце все-таки глянуло вниз. Этого было достаточно — завтрак опять пропал! Всего на миг отвернулось Солнце, а вместо тоста остался один уголек.

Солнце ничего не сказала. Оно скрестило два пальца — чур меня! — и сосчитало до десяти, потом еще раз до десяти, пока не почувствовало, что успокоилось.

На следующее утро, когда пришло время готовить завтрак, Солнце только выставило вилку, но хлеб на нее не насадило. И стало выжидать. Не прошло и минуты, как оно почувствовало, что кто-то его щекочет.

Солнце спокойно отложило вилку и посмотрело, кто же это. Но опять не увидело никого, кроме Кукареку и церковного шпиля. Оно посмотрело внимательнее, потом еще внимательнее и наконец поня-

ло, что это Кукареку и щекочет его своим медным крылышком.

— Ну и ну! — удивилось Солнце. — Неужели это ты меня щекочешь? А ты знаешь, что из-за тебя три дня подряд подгорали мои тосты? Ну и озорник ты, Кукареку!

— Прости, пожалуйста! — сказал Кукареку. — Я вовсе не хотел, чтобы подгорали твои тосты, я щекотал тебя, чтобы рассмешить.

— Больше этого не делай! — сказала Солнце.

— Не буду, честное слово, — пообещал Кукареку.

На следующее утро Солнце встало и, как всегда, принялось готовить завтрак. На этот раз никто его не щекотал и тост ни чуточки не подгорел. Тогда Солнце поджарило еще один кусочек хлеба, намазало его маслом и протянуло петушку-на-крыше.

— Как вкусно! — сказал Кукареку. — Большое тебе спасибо, Солнце. — И он три раза перевернулся на одной ножке. — Ку-

кареку! — кукарекнул он. — Кукареку!
Кукаре... Кука... Ку... Кх! Кх! Кх! — Он
закашлялся, потому что в горло ему попа-
ла крошка.

— Ну и глупышка ты, Кукареку, —
сказало Солнце и похлопало его по спи-
не. — Ну и глупышка! — И оно засмея-
лось, и смеялось, и смеялось весь день.

ПОД КОВРОМ

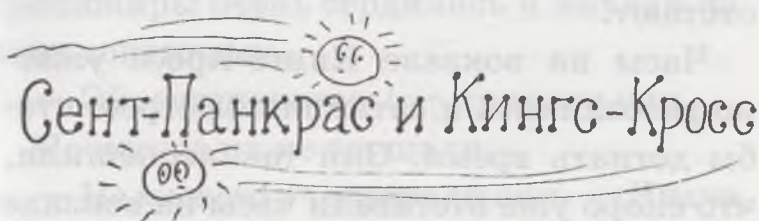

...
 ...
 ...

ПОД

КОРБОМ

Сент-Панкрас и Кингс-Кросс

Жили-были в Лондоне на одной площади два вокзала. Их звали Сент-Панкрас и Кингс-Кросс. Они жили бок о бок и вечно спорили, кто лучше.

— А у моих перронов останавливаются не только паровозы, но и тепловозы, — хвастал Сент-Панкрас.

— Подумаешь! У моих тоже! — не уступал Кингс-Кросс.

— А у меня ресторан есть, — говорил Сент-Панкрас.

— И у меня!

— Он и по воскресеньям открыт!

— И мой тоже!

— Подумаешь! — Кингс-Кросс не сразу нашелся, что ответить. — А зато у меня десять платформ, а у тебя только семь.

— Но мои вдвое длиннее твоих! — ответил Сент-Панкрас. — Да еще у тебя часы отстают.

Часы на вокзале Кингс-Кросс ужасно разозлились и затикали быстрее, чтобы догнать время. Они так поспешили, что скоро уже отставали часы на вокзале Сент-Панкрас и, чтобы догнать соседа, тоже затикали быстрее и быстрее. Теперь уже и те и другие часы спешили вовсю;

пришлось и поездам поспешить, чтобы прийти без опоздания. Часы летели вперед, и поезда неслись вперед, и под конец у них даже не хватало времени, чтобы высадить своих пассажиров: они приезжали на вокзал и тут же отправлялись назад. Пассажиры очень сердились и махали из окон зонтиками.

— Эй, остановитесь! — кричали они.

Но поезда их не слушали.

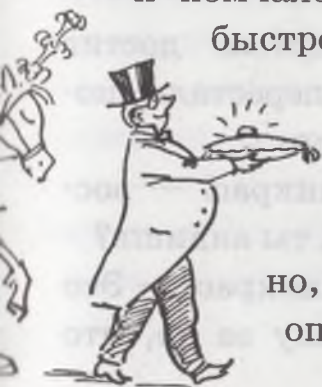
— Не можем! — отвечали они. — Иначе мы опоздаем. Посмотрите на часы!

Да, теперь часы летели так быстро, что, не успев показать утро, тут же показывали вечер.

Солнце недоумевало.

— Наверное, я отстаю, — решило оно и помчалось по небосводу быстрее, быстрее, быстрее.

Жителям Лондона тоже пришлось нелегко. Они вскакивали с постели и тут же ложились спать, но, не успев даже заснуть, опять вскакивали и спешили-

ли на работу. А дети бежали в школу и, не успев ответить, сколько будет дважды два, бежали назад домой.

В конце концов лорд-мэр Лондона сказал королеве:

— Ваше величество, так дальше продолжаться не может! Я предлагаю выдать медаль Юстонскому вокзалу. Тогда наши два вокзала от зависти перестанут спорить друг с другом.

— Прекрасная идея! — сказала королева.

И вот она выехала из Букингемского дворца в сопровождении лорд-мэра, конной гвардии и гвардейского духового оркестра, а впереди шел премьер-министр и на красной бархатной подушке нес золотую медаль.

Когда королевский кортеж достиг Кингс-Кросса, оба вокзала перестали спорить и проводили его глазами.

— Что я вижу, Сент-Панкрас! — воскликнул Кингс-Кросс. — А ты видишь?

— Да! — ответил Сент-Панкрас. — Это медаль Юстонскому вокзалу за то, что

у него пятнадцать платформ. Какая несправедливость! Ты-то уж наверняка лучше Юстона!

— И ты лучше, Сент-Панкрас, — сказал Кингс-Кросс.

Сент-Панкрас удивился, но подумал, что худой мир лучше доброй ссоры, и сказал:

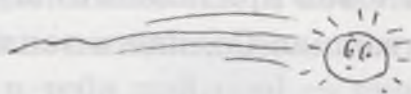
— Будем друзьями, Кингс-Кросс.

— Будем! — ответил Кингс-Кросс.

Так они стали друзьями и бросили спорить, а их часы перестали спешить, и поезда перестали торопиться. Все были довольны.

— Вы умный человек, лорд-мэр! — сказала королева.

— Благодарю вас, ваше величество! — ответил лорд-мэр.

Игра в прятки

Однажды Тьма задумала играть в прятки с Луной.

Она пряталась то за домами, то за дымовыми трубами и сидела там притаившись, пока Луна потихоньку не подкрадывалась к ней.

А иногда Тьма металась туда-сюда, прежде чем спрятаться за кошку или собаку, перебежавшую через дорогу. В общем-то она очень ловко пряталась от Луны.

Но вот взошло Солнце и все переменялось.

— Ну, теперь погоди! — сказала Луна. — Посмотрим, куда ты от Солнца спрячешься.

— За ребятами, когда они пойдут в школу, — ответила Тьма. — Я стану их тенью.

— Это, конечно, ты ловко придумала, — сказала Луна. — Но когда дети войдут в школу, тогда куда ты денешься? Мой совет тебе, голубушка, лучше уж спрячься на другой стороне Земли, не то Солнце непременно доберется до тебя.

— Не доберется! — ответила Тьма. — Вот подожди, сама увидишь!

Но когда Солнце поднялось выше, Тьма все-таки ушла на другую сторону Земли, и там настала ночь, а здесь, чтобы поиграть с Солнцем, остались только маленькие темные пятнышки.

Им было очень весело, они бегали тенью за людьми, даже за коровами, а некоторые стали тенью птиц и летали за ними через лужайки. Но в конце концов Солнце все-таки отыскивало их, и вот уже осталось одно-единственное темное пятнышко.

— Я и тебя поймаю! — сказал Солнце. — Куда бы ты не спряталось!

— А вот и нет! — сказал темное пятнышко. — Я знаю такое место, где ты

меня никогда не найдешь. Закрой глаза и считай до десяти, а я спрячусь.

Солнце ушло за тучу и считало до десяти. А потом выглянуло опять.

«Наверное, оно спряталось за кого-нибудь и притворилось тенью», — подумало Солнце.

Но солнце высветило все уголки и закоулки, а Тьмы так и не нашло.

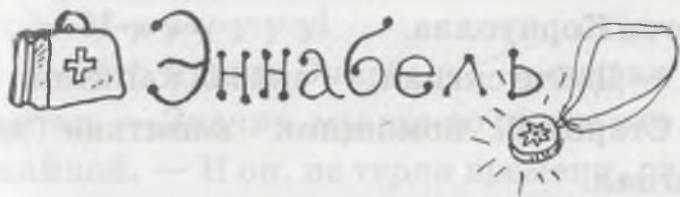
И один день светило, и другой день светило — всё искало Тьму, — но так и не нашло, да и не могло найти, потому что Тьма очень удачно спряталась — в чулане под лестницей.

«Как здесь уютно! — подумала Тьма. — Останусь-ка я здесь навсегда».

Так она и сделала.

Вот почему в чулане под лестницей всегда темным-темно.

Жила-была на свете корова. Звали ее Эннабель. У нее часто болел живот. Но однажды она спасла корабль от кораблекрушения.

Как-то в туманный день Эннабель паслась на лугу в Корнуолле, у самого берега моря. Туман был такой густой, что она не видела даже своего носа и нечаянно проглотила колючий чертополох.

Ой-ой-ой! Как заболел у нее живот! Эннабель бросила щипать траву и громко замычала.

А в это самое время по морю плыл большой корабль.

Капитан поднес к глазам подзорную трубу, но не увидел ничего, кроме тумана.

— Где мы находимся сейчас? — спросил он старшего помощника.

— Точно не знаю, сэр! Где-то возле берегов Корнуолла.

— Дайте сигнал, — сказал капитан.

Старший помощник капитана дал сигнал.

— У-у-у-у-у-у!.. — загудела сирена.

Эннабель услышала сирену и подумала: «Наверное, еще одна корова съела чертополох. Надо послать за доктором».

И она замычала в ответ, чтобы другая корова знала, что ее услышали.

— Прислушайтесь! — сказал капитан.

Старший помощник остановил сирену и прислушался. И сквозь волны и туман до них донеслось:

— М-у-у-у-у-у-у!

— Это мычит Эннабель, — сказал капитан. — Значит, мы где-то рядом с ее лужайкой. — И он, не теряя времени, отдал приказание:

— Моп сташина! Ах нет, стоп машина!

— Полный назад!

— Бросить якорь!

— Дать сигнал!

Якорь ударился о дно, корабль остановился, а сирена опять загудела:

— У-у-у-у-у-у-у!

Капитан посмотрел за борт. Тут выглянуло солнце, и он увидел, что как раз вовремя остановил корабль: еще минута, и они разбились бы об острые скалы.

Ему удалось спасти корабль только потому, что он услышал мычание Эннабель.

Тут он опять услышал:

— М-у-у-у-у-у! М-у-у-у-у-у-у!

— Странно, — подумал он. — Она все еще мычит, может быть, у нее болит живот.

И он послал на берег корабельного доктора с пилюлями, лечить Эннабель.

— Дайте ей еще вот это! — сказал он и вручил доктору маленькую коробочку с большой серебряной медалью.

Когда доктор сошел на берег, Эннабель все еще мычала, но доктор дал ей пилюли, и живот сразу перестал болеть.

— Капитан просил меня передать тебе еще вот это, — сказал доктор.

Он достал коробочку, которую капитан вручил ему, и показал Эннабель. На коробочке было написано:

«Эннабель от капитана — за спасение корабля».

А в коробочке лежала настоящая серебряная медаль. Доктор повесил медаль Эннабель на шею. Эннабель была очень горда.

— Твое мычание спасло наш корабль, — сказал доктор. — А теперь я должен спешить, так как нам надо плыть дальше, в Америку.

И он вернулся на корабль. Солнце светило ярко, туман рассеялся.

Эннабель поглядела на море.

— М-у-у-у! — сказала она.

— У-у-у! — ответил корабль.

Корабль отплывал всё дальше и «У-у-у!» делались все тише. Но капитан еще мог разглядеть в подзорную трубу Эннабель с медалью на шее.

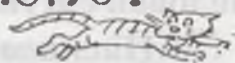
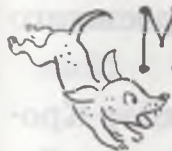
— М-у-у-у! — говорила Эннабель, глядя на море. — М-у-у-у!

И с большого корабля в открытом море в ответ тоже раздалось «У-у-у!».

Эннабель чувствовала себя очень счастливой, она щипала травку, а ее медаль так и горела на ярком утреннем солнце.

Мистер Крококот

Однажды человек с Луны посмотрел вниз на Землю — ему, конечно, и раньше случалось смотреть на Землю — и увидел большущего пса, который с громким лаем гнался за маленькой кошкой.

— Вот негодник! — сказал человек на Луне. — Кто бы это? Похоже вроде на Бульку с Хай-стрит. Ну да! Так и есть, Булька! Ну погоди, я отучу тебя гоняться за кошками!

И вот поздно ночью, когда Луна светила над Африкой, человек с Луны опять посмотрел на Землю, желая непременно

пес, Булькой его зовут, живет он в Англии и вечно гоняется за кошками. Вот бы тебе попасть туда как-нибудь ночью. Ты бы показался ему сначала кошкой, а когда он погнался бы за тобой, ты бы напугал его крокодиловой пастью. Может, это навсегда отбило бы у него охоту гоняться за кошками.

— Согласен! — сказал мистер Крокот. — Сделаем!

Когда он добрался до Англии, Луна ярко освещала соседский двор за домом Бульки. Мистер Крокот лег под тенистое дерево, спрятал свою крокодиловую половинку и выставил на лунный свет только кошачью.

Как только Булька заметил кошку — ему показалось, что это настоящая кошка, — он залаял, перемахнул через забор и бросился на нее. Но вместо кошки его встретил крокодил, да еще ух какой страшный!

Бедный Булька без оглядки помчался домой и перевел дух только в своей корзине на кухне.

— Нет уж, дудки! Больше я за кошками не гоняюсь! — решил он.

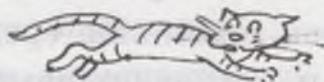
Ну и посмеялись же над ним человек с Луны и его друг мистер Крококот!

Потом мистер Крококот зевнул и сказал:

— Мне бы вздремнуть теперь. — И улегся поудобнее.

— Спокойной ночи, дорогой Крок, — сказал Кот.

— Спокойной ночи, дружище Кот, — ответил Крокодил. — Приятных сновидений!

Откуда взялась морская звезда

Жили на свете семь слонов.

Самый большой слон, слон чуть поменьше, слон еще чуть поменьше, слон средний, слон поменьше среднего, слон маленький и, наконец, самый маленький, или, вернее, слоненок.

Однажды они стояли на вершине холма у самого берега моря и смотрели на звезды.

Ночь была темная, и звезды сияли особенно ярко.

И рыбы в море тоже смотрели на звезды. Как только они замечали падающую

звезду, они ныряли поглубже, чтобы найти ее, — им казалось, что звезда упала на дно морское.

— Давайте поймаем падающую звезду, — предложил самый большой слон.

— Давайте! — согласились все.

И вот самый большой слон поднял хоботом слона чуть поменьше, а слон чуть поменьше — еще чуть поменьше, а еще чуть поменьше — среднего, а средний — поменьше среднего, а поменьше среднего — маленького, а маленький — самого маленького, или, вернее, слоненка.

Потом самый большой слон подбросил всех вверх, и они полетели к падающей звезде.

Потом слон чуть поменьше подбросил всех вверх, и они полетели дальше к падучей звезде. Потом слон средний подбросил всех вверх, и они полетели дальше к падучей звезде. Потом слон поменьше среднего подбросил вверх маленького и самого маленького, и они почти долетели до падучей звезды.

Потом маленький слон подбросил вверх самого маленького, или, вернее, слоненка, и слоненок поймал хоботом падучую звезду и передал ее маленькому слону, а маленький — слону поменьше среднего, а слон поменьше среднего — среднему, а средний — слону чуть побольше, а слон чуть побольше — слону еще чуть побольше, а слон еще чуть побольше — самому большому слону, который передал ее рыбке, которая проглотила ее и стала морской звездой.

Про вокзал, КОТОРЫЙ НЕ СТОЯЛ НА МЕСТЕ

Жил на свете король. Звали его Сэмюел. Однажды он сидел на троне и думал: хорошо бы поехать на поезде к бабушке в гости. Он попрощался с королевой и отправился в путь.

Доехал до вокзала Ватерлоо, поднялся на эскалаторе на платформу и вдруг услышал, как вокзал говорит сам себе:

— Пойду-ка я выпью чаю!

И только король Сэмюел хотел шагнуть на платформу... как вокзала и след простыл.

— Вот неудача, — сказал король. — Чего доброго, я опоздаю на поезд, и бабушка на меня рассердится.

— Сейчас же вернись! — крикнул он вокзалу.

Но вокзал и не подумал.

— Сначала выпью чаю, тогда вернусь! — ответил он.

Напившись чаю, вокзал вернулся, и король Сэмюел сел в поезд. Наконец поехали.

Тук-тук-тук, тук-тук-тук...

Вскоре они увидели корову, которая паслась у самого полотна дороги. Поезд остановился.

— Правильно мы едем к бабушкиному дому? — спросил машинист.

— Правильно! — ответила корова. — А можно и мне с вами?

— Конечно, — сказал машинист. — Прыгай скорей!

Сэлли — так звали корову — прыгнула на открытую платформу, и все поехали дальше. Проехали совсем немножко, как вдруг сзади послышалось какое-то пыхтение и тархтение.

Оглянулись и видят — это вокзал Ватерлоо нагоняет их на всех парах.

— Можно и мне с вами? — крикнул вокзал.

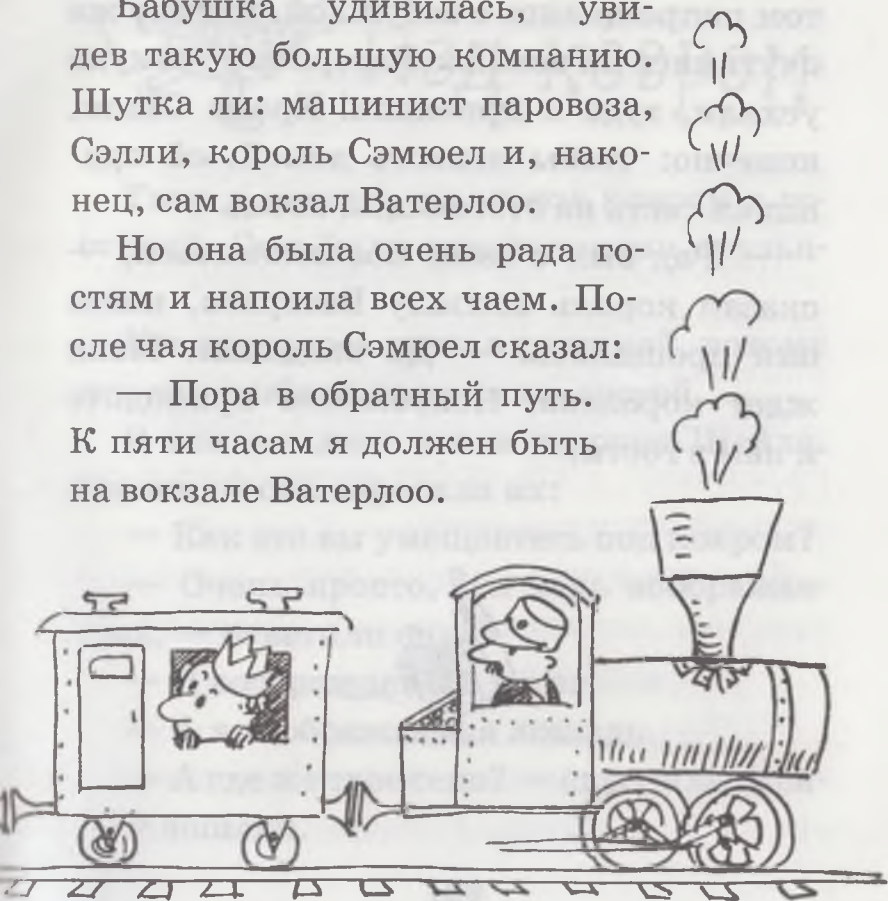
— Давай! — ответил король Сэмюел.

Поехали дальше все вместе и вскоре приехали к бабушкиному дому.

Бабушка удивилась, увидев такую большую компанию. Шутка ли: машинист паровоза, Сэлли, король Сэмюел и, наконец, сам вокзал Ватерлоо.

Но она была очень рада гостям и напоила всех чаем. После чая король Сэмюел сказал:

— Пора в обратный путь. К пяти часам я должен быть на вокзале Ватерлоо.

— Да вокзал Ватерлоо тут ведь! — сказала бабушка. — И спешить тебе некуда.

— В самом деле! — обрадовался король. — Значит, можно не спешить. Выпьем еще по чашечке.

Бабушка заварила свежего чаю, а после чая они до пяти спокойно играли. Потом попрощались с бабушкой, и сразу же очутились на вокзале Ватерлоо — откуда уехали, туда и приехали! Кроме Сэлли, конечно: чтобы попасть домой, ей пришлось сесть на отстающий поезд.

— Рад был с вами познакомиться, — сказал король вокзалу Ватерлоо, когда они прощались. — До свиданья. Меня ждет королева. Непременно приходите к нам в гости.

Под ковром

Тигр и лошадь жили под ковром в гостиной. Они были закадычными друзьями.

Им нравилось жить в гостиной, потому что они любили принимать гостей.

В том же доме жила девочка Шейла. Однажды она спросила их:

— Как это вы уместаетесь под ковром?

— Очень просто, мы ведь воображаемые, — ответили они.

— Я воображаемый тигр.

— А я воображаемая лошадь.

— А где же твое сено? — спросила Шейла у лошади.

— Под ковром, — ответила лошадь. — Это ведь воображаемое сено.

— А твои кости тоже под ковром? — спросила она у тигра.

— Кости? Конечно, — ответил тигр и облизнулся.

А потом он спрятался под ковер. Лошадь последовала за ним, и Шейла осталась одна.

Она достала лист бумаги, нарисовала несколько кусочков сахару и сунула рисунок под ковер.

Чуть погодя она услышала похрупывание и «чам-чам-чам» — лошадь ела сахар с большим удовольствием.

Тогда Шейла написала на клочке бумаги записку: «Что любят тигры?» — и сунула записку под ковер.

Под ковром зашущукались, затем высунулась лошадиная голова и сказала:

— Бутерброды с сеном!

Шейла не поверила.

— Ах ты, гадкая лошадь! — сказала она. — Бутерброды с сеном любят не тиг-

ры, а лошади. Пойди и спроси тигра, что он хочет!

Лошадь спряталась и вылез тигр.

— Я хочу ручные часы, — сказал он. — Чтобы знать, который час.

— Хорошо! — сказала Шейла.

Она нарисовала ручные часы и протянула ему. А потом нарисовала бутерброды с сеном для лошади. Тигр исчез. Но вскоре оба появились опять.

— Большое-большое тебе спасибо, Шейла! — сказали они и поцеловали ее.

— Подумайте, что вам еще надо, и скажите скорей, — сказала Шейла. — А то мне пора уже идти спать.

— Нам бы хотелось еще зонтик! — сказали тигр и лошадь.

— Зонтик? — удивилась Шейла. — Разве под ковром идет дождь? Ах да! Это воображаемый дождь.

— Ну конечно! — сказали они.

И она нарисовала им зонтик.

— Спасибо! — сказали тигр и лошадь. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи! — ответила Шейла и пошла спать.

Но потом ей вдруг пришло в голову: «Наверное, ужасно обидно, когда есть новый, красивый зонтик и нет дождя!» И она нарисовала на большом листе бумаги дождь, спустилась на цыпочках в гостиную и сунула дождь под ковер.

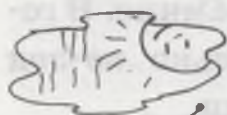
Когда утром она вошла в гостиную, то очутилась по щиколотку в воде, а тигр и лошадь сидели в раскрытом зонтике и плавали в нем, как в лодке.

«Наверное, я нарисовала слишком много дождя», — подумала Шейла.

После завтрака она опять пришла в гостиную. Мама в это время как раз подметала ковер. Ни воды, ни зонта, ни тигра, ни лошади — ничего не осталось.

Шейла взяла свой альбом для рисования и нарисовала тигра и лошадь крепко спящими. Скоро мама ушла. А Шейла все сидела и глядела на огонь в камине. В гостиной было тихо-тихо, только из-под ковра доносился громкий храп.

Про лужу и булочку с изюмом

На тротуаре была небольшая лужа. Только что прошел дождь, и с блестящих листьев еще капала вода.

Все, кто проходил мимо, отражались в луже — и люди, и красные автобусы.

«Вот это жизнь! — думала лужа. — Куда веселей, чем на облаках. Но было бы еще лучше, если бы кто-нибудь меня выпил. Ведь в конце концов для того и вода».

Как раз в это время мимо проехал большой фургон, наполненный булочками с изюмом. Одна булочка случайно выпала и шлепнулась прямо в лужу.

— Ой-ой-ой! — сказала булочка с изюмом. — Я вся промокла, и никто теперь меня не захочет съесть. Бедная я, бедная! — И она горько расплакалась.

— Не плачь, — сказала лужа. — Вот увидишь, все будет хорошо.

— Спасибо на добром слове, — сказала булочка. — Здесь, конечно, тоже неплохо, и людей много, и красные автобусы, и с деревьев вода капает, но для булочки с изюмом тут, пожалуй, мокровато, я могу стать совсем невкусной. А ведь меня везли в привокзальное кафе, чтобы подать к чаю. Вот беда! — и она еще пуще расплакалась.

— Не плачь, — сказала лужа. — Ну-ну, не надо же, милая булочка.

— Больше не буду, — ответила булочка, всхлипывая. — Я так рада, что познакомилась с тобой. Вот было бы хорошо, если бы кто-нибудь захотел есть и пить, а мы с тобой — тут как тут.

— Конечно, — согласилась лужа. — О, смотри-ка! Видишь?

Прямо к ним через улицу шла мама-утка с тремя утятами. Полисмен поднял руку и остановил машины и автобусы, чтобы утка с утятами спокойно перешли дорогу.

— Куда направляетесь? — спросил полисмен.

— Кряк! — ответила мама-утка. — На пруд!

А утята ответили:

— Кря-кря-кря! — И побежали за матерью.

— Уф, как я устала, — сказала утка. — Да и детям не мешало бы отдохнуть и перекусить.

И вдруг в луже она увидела булочку с изюмом.

— Кряк-кряк-кряк! — сказала она. — Смотрите, какая славная булочка с изюмом и какая симпатичная лужа!

Все семейство было очень довольно.

— Кря-кря-кря, — сказали утята. — Какая вкусная булочка! Кря-кря-кря. Какая вкусная в луже вода!

Мимо проносились автобусы, проходили люди, а когда зашло солнце, опять полил дождь, с деревьев закапала вода и на тротуаре появилась новая лужа.

— Гонг-гонг! — прогудел автобус.

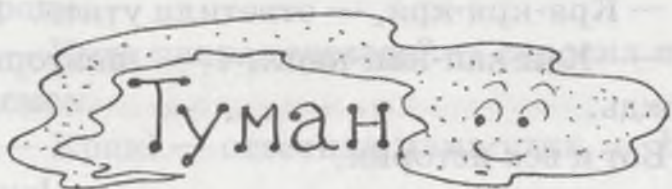
— Кряк-кряк! — сказала мама-утка.

— Кря-кря-кря, — ответили утята.

— Кап-кап-кап-кап... — повторял дождь.

Вот и вся история.

Однажды в день рождения королевы на Лондон опустился Туман. Он хотел посмотреть военный парад. Но как только он опустился на Лондон, королева сказала генералу:

— Сегодня парад придется отменить. Туман!

И так повторялось каждый раз, когда на Лондон опускался Туман. Туману было очень обидно, он давно мечтал увидеть парад, но что делать, если каждый раз, когда он появлялся в Лондоне, королева говорила:

— Парад отменяется!

А в Букингемском дворце под королевским тронном жила кошка по имени Смоки. Она пожалела Туман и решила ему помочь. Когда подошел следующий день рождения королевы, Смоки написала Туману письмо:

Во дворце
Под королевским тронном
Вторник
Дорогой Туман,
жду тебя вечером около дворца.

Искренне твоя
Смоки.

В этот вечер, перед тем как лечь спать, королева выпустила кошку с черного хода Букингемского дворца на улицу, а потом поднялась к себе в спальню. И не успела Смоки три раза промяукать, как Туман опустился на Лондон.

— Мне так хочется посмотреть парад, — признался ей Туман. — Но из-за меня его каждый раз отменяют, и мне никак не удастся его увидеть.

— Я кое-что придумала, — сказала Смоки. — Завтра ты появишься, как только

солдаты выстроятся для парада. Увидев тебя, генерал скажет: «Ваше величество, опять Туман. Отменить парад?»

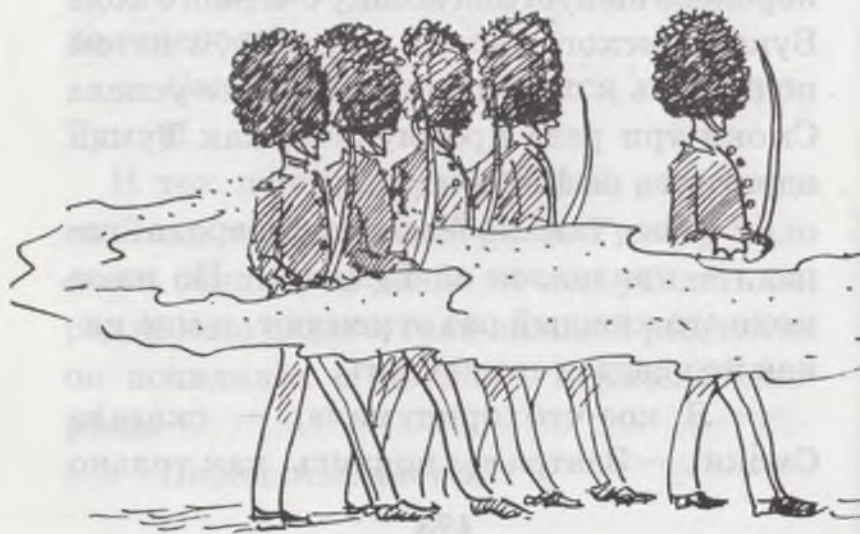
— Да, да, он именно так и говорит, — со вздохом сказал Туман.

— И не успеет королева ответить: «Парад отменяется!», ты мяукни.

— Хорошо! — сказал Туман. — Только я не умею мяукать.

Смоки его научила, хотя это было не просто.

На следующее утро, когда солдаты выстроились для парада и генерал спросил королеву:

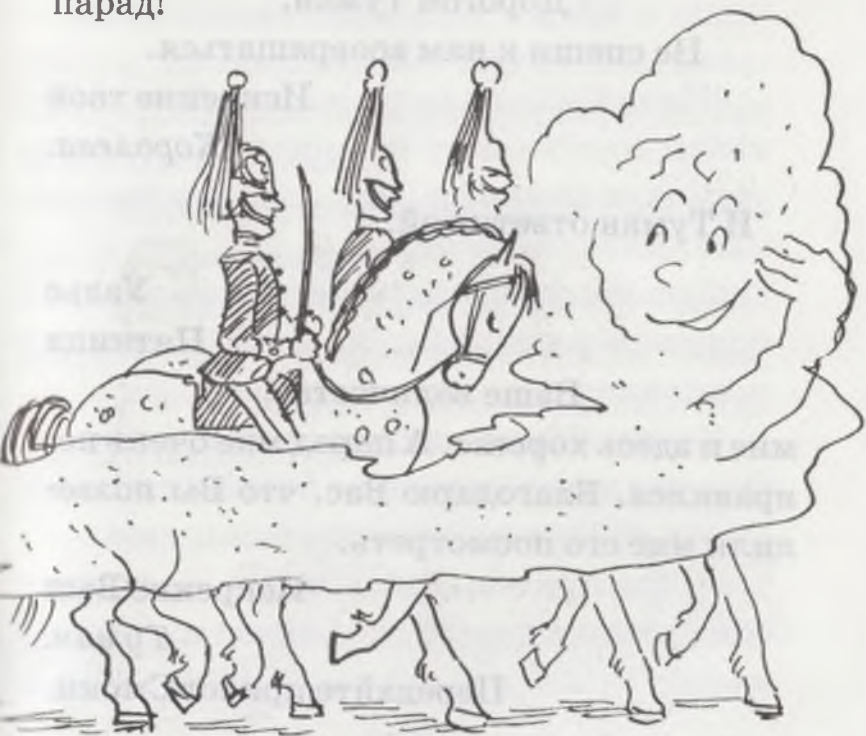
— Ну как, Ваше величество, отменить парад? Видите, Туман?

— Где? — спросила королева.

— Там! — ответил генерал, указывая на Туман.

И тут Туман мяукнул.

— Ах, генерал, — сказала королева, — неужели вы не можете отличить кошку от Тумана? Я своими ушами слышала мяуканье. Ни в коем случае не отменяйте парад!

Так Туман увидел наконец парад. Он остался очень доволен, а потом вернулся в родные горы Уэльса. Правда, там и без него было туманно, но зато не приходилось скучать в одиночестве.

Однажды королева написала ему письмо:

Дворец

1 июня

Дорогой Туман,

Не спеши к нам возвращаться.

Искренне твоя

Королева.

И Туман ответил ей:

Уэльс

Пятница

Ваше величество,

мне и здесь хорошо. А парад мне очень понравился. Благодарю Вас, что Вы позволили мне его посмотреть.

Искренне Ваш

Туман.

Передайте привет Смоки.

Королева ничего не могла понять.

— Смоки, — спросила она кошку, заглядывая под трон, — когда же Туман мог увидеть парад?

Но Смоки только замурлыкала: это был секрет!

Всё кувырком

Жила-была на свете ворона Алиса. Ленивей вороны свет не видел. Иногда она засыпала прямо на лету и ей снились самые диковинные сны.

Однажды она так крепко заснула, что полетела кувырком, и, пока летела, ей приснился сон — сон кувырком...

Кошка Мурр любила ловить мышей. Она увидела в корзине с бельем двух мышек и потихоньку подкралась к ним.

— Смотри-ка, вон кошка! — сказала одна мышка другой. — Сейчас мы ее поймаем!

Мурр удивилась. «Какие глупости! Разве мыши охотятся за кошками?» — подумала она.

Но когда мыши погнались за ней, она от удивления побежала прочь без оглядки.

«Ну и жизнь, всё идет кувырком!» — подумала Мурр.

Тут навстречу ей попался большущий пес Гав. Гав сердито зарычал на Мурр.

Мурр готова была уже удрать и спрятаться на дереве, но вдруг подумала: «Если всё в этом мире идет кувырком, Гав сам убежит от меня».

И Мурр бросилась на Гава, а Гав, само собой, бросился наутек.

«Чудеса творятся в этом мире! — подумала Мурр. — Кошки охотятся на собак, мыши — на кошек. В жизни не встречала ничего подобного!»

Тут она взглянула на дорогу и увидела молочника, тележку и лошадь.

Тележку тянул молочник, а лошадь сидела на тележке и погоняла его: «Нн-оо!» Молочнику приходилось поторапливаться.

Потом Мурр встретила двух детей с родителями. Дети отчитывали своих родителей:

— Ах вы озорники! Вот придем домой — и сейчас же в постель, без ужина!

— У-у-у-у, мы больше не будем, — хныкали родители.

Уже стемнело, но вместо луны и звезд на небе светило солнце.

«Сейчас ведь ночь, — подумала Мурр. — А ночью светят звезды и луна, при чем же тут солнце?»

— Ну-ка уходи! — сказала она солнцу.

— Не уйду, — сказало солнце. — В этом мире всё идет кувырком, и я буду светить ночью. Тогда днем у меня останется время поиграть.

«Что же дальше будет?» — со страхом подумала Мурр. Тут она случайно подня-

ла голову и увидела Алису, летевшую кувырком вверх ногами.

— Эй, Алиса! Проснись! — крикнула она.

Алиса проснулась, перевернулась и полетела дальше как ни в чем не бывало. И тут же солнце зашло, засветили луна и звезды, лошадь молочника сама потянула тележку, Гав погнался за Мурр, а Мурр — за мышами, пока они не спрятались опять в корзину с бельем. Мурр сильно проголодалась и поспешила на кухню полакомиться рыбкой и молоком.

А ленивая Алиса вернулась в свое гнездо на самой верхушке дерева, устроилась поудобнее и заснула.

— Карр! — сказала она, засыпая. — Какой забавный был сон.

Про тигрёнка, любившего принимать ванну

Жил-был тигренок, по имени Берт. Зубы у него были большие, белые и острые, а рычал он громче грома.

Но в общем это был славный и добрый тигренок — до тех пор, пока кто-нибудь не шел принимать ванну.

Он сам очень любил принимать ванну и мог просидеть в ней хоть весь день, если только мистер и миссис Смит и их маленькая дочка — они жили вместе с тигренком — не начинали на него сердиться. Подумайте только, когда бы они ни захотели принять ванну, Берт всегда рычал на них и показывал зубы.

— А ну-ка, Берт! Вылезай из ванны и иди ужинать! — сказала ему однажды миссис Смит и поманила его большущей миской с костями.

— Спасибо, не хочу, — ответил Берт и зарычал.

Миссис Смит чуть не расплакалась.

— Пора купать ребенка, — пожаловалась она, — а Берт не хочет вылезать из ванны. Как быть?

— Кажется, придумал! — сказал мистер Смит.

Он пошел в магазин и купил двадцать бутылок черных чернил, а когда Берт отвернулся, вылил все чернила в ванну. Вода стала черная-черная, и Берт тоже стал весь черный.

Несколько часов спустя Берт решил, что пора ужинать, и вылез из ванны.

— Ой, только поглядите на эту большущую черную кошку, — сказал мистер Смит.

— И в самом деле, какой красивый кот! — сказала миссис Смит.

— Какой такой кот? — возмутился Берт. — Я вовсе не кот. Я тигр.

— У тигров полосы, — сказал мистер Смит. — Они не бывают черными.

«О небо! Может быть, я и в самом деле стал котом», — подумал тигренок.

— Но только кошки не любят купаться, — продолжал мистер Смит. — Верно?

— Верно! — согласился Берт.

После ужина Берт вышел в сад. Тут его увидел соседский пес Принц, любивший гоняться за кошками.

— Ага, кошка! — обрадовался он. — Сейчас мы ее поймаем!

Правда, ему было слегка не по себе, так как он никогда еще не видел такой огромной кошки. Но он привык, что коты и кошки всегда удирали от него, как только он начинал на них лаять, поэтому он смело подскочил к Берту, залаял и оскалил зубы.

Берт не спеша повернул к нему свою морду и только разочек зарычал, вот так: Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р!

С таким страшным зверем Принцу еще никогда не приходилось встречаться, он мигом перемахнул через изгородь и был таков.

Немного погодя в сад вышел мистер Смит, и Берт спросил его:

— А я правда кот? Разве я не слишком большой для кота?

— Ну конечно же, ты не кот, — сказал мистер Смит. — Ты тигр. Из особой породы тигров, которые сидят в ванне не больше тридцати минут. Это самая лучшая порода тигров!

Берт был польщен.

— Особая порода! — согласился он. — Самая лучшая!

И он замурлыкал от удовольствия, и принялся умываться языком, и слизал всю черноту, и снова стал тигром — желтым в черную полоску.

Потом он вернулся в дом и сказал миссис Смит:

— Пойду-ка я приму ванну.

Он пустил воду и хорошенько отмылся. Он сидел в ванне ровно тридцать минут, и миссис Смит похвалила его за это и дала ему целое ведро мороженого.

Берт сунул голову в ведро и лизал мороженое.

— Гам-гам-гам! — говорил он. — Мое любимое мороженое!

Кузнечик Денди

Жил-был на свете кузнечик, ужасный гордец, звали его Денди. Еще когда он был маленьким и только учился прыгать вместе с другими кузнечиками, он всегда прыгал выше всех. Но учитель говорил ему:

— Денди, ты должен учиться не только большим прыжкам, но и маленьким.

— Нет, — отвечал Денди, — я кузнечик особенный, не как все. Я признаю только большие прыжки.

Так он и не научился делать маленьких прыжков.

Однажды он вышел из дому попрыгать и повстречался с улиткой Оливией.

— Не надоела тебе такая медленная жизнь? — спросил он ее. — Целый день ползешь и ползешь с собственным домом на спине.

— Ну что ты, — ответила Оливия. — Я люблю ползать. Мне очень нравится быть улиткой, особенно когда идет дождь, а у меня в раковине всегда уютно и сухо. И потом, я никогда не опаздываю домой — дом всегда при мне, надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду? Быть улиткой так интересно!

— Что ж, — сказал Денди, — о вкусах не спорят. Привет! — И он запрыгал прочь, очень гордый собой.

Он и в самом деле был прекрасный прыгун. Все кузнечики хорошие прыгуны. Но Денди за один прыжок отмахивал тридцать сантиметров — это огромное расстояние, если учесть, что сам он был в десять раз меньше. И все-таки кое-чего он делать не умел. Не умел делать маленьких прыжков. Он не мог прыгнуть на

пятнадцать или на десять сантиметров — только на тридцать. Прыг — и тридцать сантиметров позади.

Пока он разговаривал с Оливией, пришло время обедать, и Денди поспешил домой. Он был уже у самого дома — всего в каких-нибудь десяти сантиметрах, — но попасть домой никак не мог, потому что, сколько он ни прыгал, он каждый раз перепрыгивал через свой дом. Ведь он не умел делать маленьких прыжков!

Бедняжка Денди уже начал терять терпение и ужасно злился, но тут, на счастье, появилась... кто бы вы думали? — улитка Оливия со своим домиком на спине.

— Вот видишь, Денди, — сказала она, — улиткам тоже есть чем гордиться. По крайней мере домой они попадают без всяких хлопот.

У Оливии было доброе сердце (почти все улитки добрые,

если только не встанут с левой ноги), и она предложила Денди:

— Влезай ко мне на спину, я отвезу тебя домой.

Денди очень обрадовался, тут же сел на нее верхом, и улитка повезла его к дому.

— Благодарю тебя, Оливия, — сказал он. — Теперь я сам вижу, что большие прыжки — это еще не главное на свете!

— Совершенно верно! — сказала Оливия. — Маленькие прыжки тоже нужны. Будь здоров, Денди! До свиданья!

Про полисмена Артура и про его коня Гарри

Жили-были на свете полисмен Артур и полицейский конь Гарри, оба озорники.

Надев синюю форму и прицепив к поясу резиновую дубинку, Артур каждый день садился верхом на Гарри и ехал через весь Лондон.

Любимым занятием Гарри было плестись в хвосте у какого-нибудь автобуса и дышать на заднее стекло, пока стекло не запотеет. Тогда Артур, приподнявшись в седле, рисовал пальцем на стекле всякие рожицы, а Гарри смеялся, глядя на них.

Они так часто занимались этим делом — Гарри трусил за автобусом и дышал на стекло, а Артур рисовал рожицы, — и у них совершенно не оставалось времени ловить жуликов. А в одно прекрасное утро инспектор полиции Реджинальд позвал к себе сержанта и сказал:

— Сержант!

— Да, сэр! — ответил сержант, став на вытяжку.

— Сержант, — спросил Реджинальд, — почему Артур не ловит жуликов?

— Не могу знать, сэр, — ответил сержант.

— Надо выяснить, сержант. Это большое угущение, — сказал инспектор Реджинальд.

— Есть, сэр! — ответил Джордж (так звали сержанта) и отдал честь.

Потом он вышел на улицу, сел на своего коня — это был очень хороший конь, он никогда не гонялся за автобусами и не дышал на стекла — и поехал по улицам Лондона искать Артура и Гарри, чтобы посмотреть, чем они занимаются.

Наконец он их увидел. Гарри в это время как раз дышал на заднее стекло автобуса, а Артур, наклонившись вперед, рисовал на стекле смешные рожицы.

«Ну и озорники! — подумал сержант Джордж. — А дело-то, кажется, занятное! Может, и мне попробовать?»

И он направил своего коня вслед за автобусом, чтобы конь подышал на заднее стекло. А когда стекло запотело, Джордж наклонился вперед и нарисовал на нем пальцем портрет инспектора Реджинальда.

Тут его увидел другой полисмен.

Ему тоже понравилось это веселое занятие, и он тоже решил попробовать.

А скоро уже вся конная полиция ехала за автобусами: кони дышали на заднее стекло, а полисмены рисовали на стекле рожицы.

Лондонские жулики не знали, что и думать: никто больше их не ловил.

— Что случилось с полицией? — спрашивали они друг у друга.

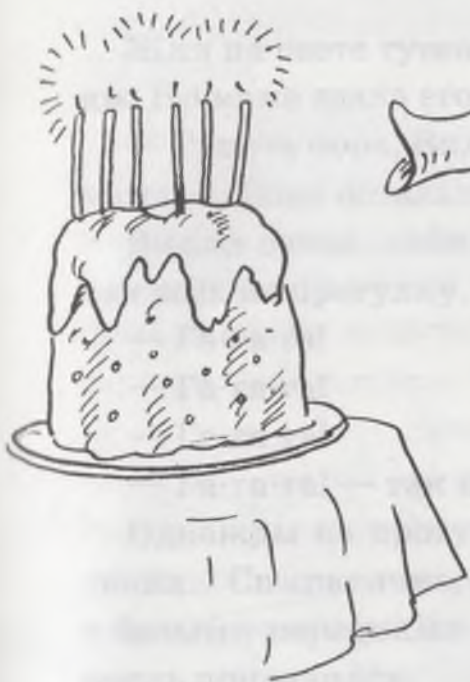
Наконец они решили выяснить, в чем дело, и выяснили, что полисменам некогда, они рисуют на задних стеклах автобусов рожицы.

— Веселое занятие! — сказали жулики. И они раздумали быть жуликами, а купили себе коней, научили их дышать на задние стекла автобусов и тоже стали рисовать всякие рожицы.

Шеф полиции Лондона был очень доволен. Он вызвал к себе Гарри и Артура и сказал им:

— Умно придумано! Вы оба молодцы!
И произвел Артура в сержанты.

ЗАБЫТЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Тут он увидел в другой подползком.

— Ему тоже понравилось быть вонючим и
вонючим, и он тоже начал прыгать.

А когда уже все кончилось, он начал
даже вылизываться: лизнул языком все лапы
свои, а потом начал вылизывать и своего
подползком.

Два дня он так же вылизывался, и когда
уже совсем вылизывался, он начал прыгать
и вылизываться с удовольствием — с при-
ходом к нему в гости.

Иногда он рождал малышей, и тогда
он тоже вылизывался, и тогда он прыгал
и вылизывался, и тогда он прыгал и вылизывался
и тогда он прыгал и вылизывался.

После этого он начал прыгать и вылизываться
и тогда он прыгал и вылизывался, и тогда он прыгал
и вылизывался, и тогда он прыгал и вылизывался
и тогда он прыгал и вылизывался.

Наконец он начал прыгать и вылизываться
и тогда он прыгал и вылизывался, и тогда он прыгал
и вылизывался, и тогда он прыгал и вылизывался.

И тогда он начал прыгать и вылизываться
и тогда он прыгал и вылизывался, и тогда он прыгал
и вылизывался, и тогда он прыгал и вылизывался.

Га-га-га!

Жил на свете гусенок, по имени Уильям. Но мама звала его всегда Вилли.

— Гулять пора, Вилли! — говорила ему мама. — Зови остальных, га-га-га!

Вилли очень любил га-га-гакать, сзывая всех на прогулку.

— Га-га-га!

— Га-га-га!

— Га-га-га!

— Га-га-га! — так и пел он всю дорогу.

Однажды на прогулке он встретил котенка. Симпатичного черного котенка с белыми передними лапками. Вилли он очень понравился.

— Га-га-га! — сказал он котенку. — Га-га-га!

— Мяу! — ответил котенок.

Вилли удивился. Что значит «мяу»? Он всегда думал, что кошки, как и гуси, говорят «га-га-га!».

Он пошел дальше. Щипал по дороге травку. День был чудесный. Светило солнце, и пели птицы.

— Га-га-га! — пел Вилли.

— Гав-гав! — ответила собака, бежавшая по дороге.

— И-го-го! — сказала лошадь.

— Н-но! — крикнул молочник своей лошади.

Бедный Вилли не понял ни слова.

Прошел мимо фермер и крикнул Вилли:

— Привет, гусенок!

— Га-га-га! — ответил Вилли.

Потом пробежали дети. Один мальчик подбежал к Вилли и крикнул: «Кыш!»

Вилли огорчился. У него даже в горле пересохло.

— Я знаю, что я всего-навсего гусенок.
Но зачем же кричать мне «кыш!»?

В пруду он увидел золотую рыбку, но на все его «га-га-га» рыбка только хвостиком вильнула и не сказала ни слова.

Вилли пошел дальше и встретил стадо коров.

— Му-у-у! — сказали коровы. — Му-у-у-у-у!

Потом он встретил кур.

— Ко-ко-ко, — закудахтали куры. — Ко-ко-ко!

А петух добавил:

— Ку-ка-ре-ку-ууу!

«Ну хоть бы кто-нибудь сказал мне «га-га-га», — подумал Вилли. — Не с кем даже поговорить. Вот скука!»

— Жжжжжжжжжж! — прожужжала пчела.

Голуби ворковали, утки крикали, а вороны каркали, сидя на верхушках деревьев. И никто, никто не сказал ему «га-га-га»!

Бедный Вилли даже заплакал, и слезы закапали с клюва на его хорошенькие красные лапки.

— Га-га-га! — рыдал Вилли.

И вдруг издалека слышалось родное «га-га-га».

А потом на дороге появился голубой автомобиль.

— Га-га-га! — сказал автомобиль.

Все английские автомобили говорят «га-га-га», а вовсе не «би-би-би».

— Га-га-га! — обрадовался Вилли.

— Га-га-га! — сказал автомобиль и проехал мимо.

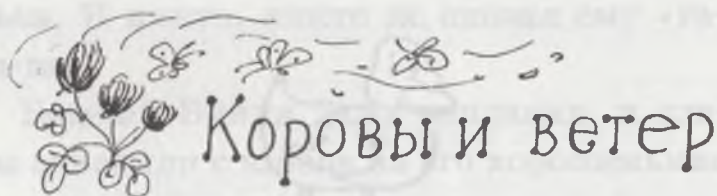
Вилли глаз не мог оторвать от автомобиля.

Он почувствовал себя самым счастливым гусенком на свете.

— Га-га-га! — повторил автомобиль и скрылся за поворотом.

— Га-га-га! — крикнул ему вдогонку Вилли.

Коровы и ветер

Однажды под тенистым деревом на лугу лежали коровы. Они жевали траву и клевер, а вокруг гулял ласковый Южный Ветер, и коровам было так тепло, так приятно.

— Какой милый этот Ветер! — говорили они между собой, пережевывая зеленую траву. — Надо что-нибудь ему подарить. Только вот что?

— Знаю! — сказала рыжая корова. — Давайте купим ему теплую меховую шубу, чтобы укрыть его от злого, холодного Северного Ветра.

— Нет-нет, это ни к чему, — сказали другие коровы.

— Мы лучше вот что сделаем, — сказала белая с черными пятнами корова. — Мы попросим Петушка, что стоит на крыше нашей церкви и показывает, куда ветер дует, чтобы он, как только подует Северный Ветер, повернулся в обратную сторону. Тогда и Северный Ветер повернет в обратную сторону и улетит назад, на Северный полюс. А наш любимый Южный Ветер останется с нами навсегда.

— Прекрасная идея! — согласились все коровы.

И они сказали Петушку-на-крыше, который по-ученому называется «флюгер»:

— Дорогой Петушок, очень просим тебя, когда услышишь, что идет Северный Ветер, повернись, пожалуйста, не на север, а на юг, чтобы этот злюка улетел обратно.

— Хорошо, постараюсь, — ответил Петушок-на-крыше.

В этот вечер, когда коровы гуляли на лугу, Южный Ветер вдруг стих и с севера через поля потянуло холодом.

Это надвигался Северный Ветер, который решил всех заморозить. Он летел через айсберги, через ледяные моря с далекого Северного полюса и была правда очень холодная.

— У-у-у-ууу! — ревел Северный Ветер. — Я вас всех заморожу-у-ууу!

Но Петушок-на-крыше не дремал. Он улучил минутку, пока ветер трепал и раскачивал деревья, и начал медленно-медленно поворачиваться.

Не так-то легко это было сделать, потому что Северный Ветер дул очень сильно.

Наконец Петушку-на-крыше удалось повернуться к северу спиной.

Как только Северный Ветер заметил, что флюгер показывает на юг, он воскликнул:

— Черт возьми! Ведь я не Южный Ветер, а Северный! Наверно, я сбился с пути.

Он подул в обратную сторону и тут же очутился на Северном полюсе.

— Чудеса! — сказал он. — Что же мне теперь делать: дуть туда или обратно?

А может, лучше поспать? — И Северный Ветер лег спать.

Меж тем коровы вернулись домой и получили еще клевера и травы.

А в полях и лугах снова задул ласковый Южный Ветер.

— Ух! Бог вступил!

И в этот момент

Ух! Ух! Ух!

Ух! Ух! Ух!

Но в один прекрасный день

ух!

Жил-был на свете Ух. Он был очень доволен жизнью, потому что каждый автобус, который проезжал мимо по дороге, говорил ему «ух!». И все пассажиры в автобусе тоже говорили:

— Ух! Вот это ухаб!

И кондуктор автобуса говорил:

— Ух ты, какой ухаб!

«Хорошо, что меня зовут Ух!» — радовался Ух.

А в это время по дороге на велосипеде ехал мальчик.

«Вот, сейчас опять!» — подумал Ух.

Но мальчик объехал ухаб и никакого «ух!» не случилось.

Ух обиделся.

— Выше голову! — сказала дорога. — Едет еще автобус!

Автобус подъехал и — ух! — в ухаб. И водитель сказал:

— Ух! Вот это ухаб!

И кондуктор сказал:

— Ух ты, какой ухаб!

Ух опять повеселел.

Но в один из весенних дней пришли дорожные рабочие, перекрыли дорогу красными флажками, принесли кирки и лопаты, починили дорогу и залили ее асфальтом.

— Теперь от ухаба и следа не осталось! — сказал главный дорожный мастер.

Рабочие собрали кирки и лопаты, сняли красные флажки и ушли. Проехал автобус, но никакого «ух!» не случилось. За ним еще несколько автобусов, и тоже никаких «ух!».

— Куда же он девался? — спросила одна сторона дороги у другой. — Такой был славный Ух.

Тут на дороге показалась девочка. Она ехала на самокате, но не смотрела, куда едет, и — ух! — на землю.

— Нашелся! — обрадовалась дорога. — Оказывается, он был у девочки.

«Надеюсь, она не ушиблась», — подумал Ух.

Чуть-чуть все-таки ушиблась.

Но мама приложила девочке примочку и от «ух!» опять ничего не осталось.

Ух совсем загрустил и забился в шкаф с игрушками, где лежал старый теннисный мяч.

— Никому я не нужен, — пожаловался Ух. — А мне так хочется заняться каким-нибудь делом.

— Хочешь, оставайся здесь, и я научу тебя бам-бам-бамкать, — сказал теннисный мяч и подпрыгнул.

— С удовольствием! — обрадовался Ух.

Он оказался прилежным учеником. И вот когда вечером маленькая девочка вышла в сад поиграть с мячом, у него прекрасно получилось «бам! бам! бам!». И мяч подпрыгивал выше, чем всегда.

Выше девочки. Выше девочкиной мамы. Даже выше уличного фонаря.

Девочка была довольна, и все были довольны.

«Когда тебя зовут Бам, тоже неплохо», — подумал Ух.

Дракончик Эндрю

Была на свете огненная гора. В этой горе жил волшебник. Волшебника звали Фудзи-сан.

Ему очень нравилось жить в этой горе.

— Здесь уютно и тепло! — говорил он каждый раз, ставя на вершину горы чайник.

Когда чайник кипел, окрестные жители видели, как из горы идет пар, и говорили:

— Смотрите! Фудзи-сан опять чай пить собрался.

И вот однажды, когда Фудзи-сан уселся на вершину горы и посмотрел вниз, он

увидел, что к нему в гости идет маленький дракон.

«Никак Эндрю! — подумал он. — Наверное, идет чай пить».

Эндрю звали дракона, жившего со своей бабушкой в пещере у подножия горы.

А надо вам сказать, что бабушка дракона была самой симпатичной из всех драконовых бабушек. Больше всего на свете она любила выпить чашечку чаю. Но она была уже слишком стара и не могла сама подняться на гору. Вот Эндрю и надумал сходить к волшебнику за чашкой чаю для бабушки.

Но чем выше он взбирался на гору, тем горячее становилось под ногами. Наконец стало так горячо, что дальше идти он просто не мог.

Пришлось ему спуститься обратно в долину. Там он наломал толстых веток и сделал себе ходули. Шесть ходулей — для каждой ноги по ходуле. Потом опять полез на гору.

На этот раз он не почувствовал горячей земли под ногами и довольно быстро добрался до вершины.

Волшебник угостил его чаем с пирогом. А Эндрью рассказал Фудзи-сану про свою бабушку и про то, как ей хочется выпить горячего чая.

— Я с удовольствием дам ей чашку чаю, — сказал Фудзи-сан. — Но ведь он остынет, пока ты доберешься до пещеры.

И вместо чашки чаю он дал Эндрью большой чайник, очень милый малень-

кий зеленый чайничек для заварки, две чашки и чай.

— Вот, держи! — сказал он. — Теперь можешь готовить чай, когда тебе только вздумается.

— Большое-большое спасибо! — сказал Эндрию. — Бабушка будет просто счастлива.

И он уже собрался уходить, да вспомнил, что им не на чем кипятить воду для чая.

— Так возьми огня из моей горы, — предложил волшебник.

— Боюсь, я все не донесу, — сказал Эндрию. — У меня ведь все ноги заняты чашками и чайниками.

Волшебник на минуту задумался, потом сказал:

— Ладно, сотворю чудо. Закрой глаза, вдохни и считай до десяти.

Эндрию выполнил все в точности.

— Теперь выдохни, — сказал волшебник.

Эндрию выдохнул что было мочи, и из его пасти вырвался огонь. Он чуть не за-

кашлялся. Но в общем ему это понравилось.

— Теперь я настоящий дракон, — обрадовался он. — Настоящий огнедышащий дракон. Спасибо, Фудзи-сан!

Он попрощался и пошел домой в свою пещеру. Тут он налил в чайник воды, дохнул на него огнем, и чайник в два счета закипел. Эндрию заварил чай и отнес бабушке чашку чаю...

— Спасибо, Эндрию, — сказала она. — Я очень люблю чай!

И так до сегодняшнего дня — как только драконы кончают извергать огонь в сказках, они идут домой и кипятят чай для своих бабушек.

Хлебные крошки

Как-то раз в Лондоне на Трафальгарской площади обедали сто голубей. На обед у них, как всегда, было пшено.

Вскоре к ним прилетели еще голуби.

— Что это вы едите? — спросили они.

— Пшено! Урр-урр-урр!

Потом прилетели еще голуби.

— Ура! — обрадовались они. — Сегодня на обед пшено!

А потом прилетел голубь, по имени Артур.

— Опять пшено? — сказал он. — Вот надоело!

Он взмыл вверх и опустился на вершину колонны, на которой стоит статуя адмирала Нельсона.

— Ну что за жизнь, милорд! — пожаловался Артур Нельсону. — Каждый день пшено да пшено. Терпеть его не могу!

— А что ты любишь? — спросил адмирал Нельсон.

— Хлебные крошки! — ответил Артур. — Нет ничего вкуснее белых хлебных крошек!

Адмирал Нельсон взял подзорную трубу и оглядел улицу Уайтхолл.

— Я вижу мальчика, — сказал он. — Он идет по улице и жует белую булку. Вот он поравнялся со зданием Королевской гвардии.

Артур слетел вниз и следовал за мальчиком, пока тот не доел свою булку. Но Артуру ни крошки не перепало.

Бедняжка Артур даже расплакался. Проходивший мимо полисмен очень удивился.

— Вот так чудо! — сказал он. — Первый раз вижу плачущего голубя.

Огорченный Артур вернулся к нельсоновской колонне.

— Да, дело плохо! — вздохнул адмирал Нельсон. — Что сказал полисмен?

— Он сказал, что никогда еще не видел плачущего голубя.

— Так-так, — сказал адмирал Нельсон.

— Не следовало мне плакать из-за крошек, — сказал Артур.

— Что верно, то верно, — согласился адмирал Нельсон. — Все равно не поможет. Но я кое-что придумал. Загляни-ка в карман моего мундира, ты найдешь там трехпенсовик. Его положил туда рабочий на счастье, когда ставили мою... то есть нельсоновскую колонну. Ты... — и он прошептал что-то Артуру на ухо.

— Блестящая идея! — сказал Артур. — Благодарю вас, милорд.

Он взял трехпенсовик, полетел прямо в булочную на углу Стрэнда и купил себе

трехпенсовую булочку. А потом сел на подоконник булочной и начал ее есть. Глядя на него, прохожие говорили:

— Видно, голубю понравилась булка. Значит, она свежая. — И многие заходили в булочную и покупали булочки к чаю.

Булочник был очень доволен.

— Ты можешь каждый день прилетать сюда, — сказал он Артуру, — и я буду давать тебе булочку к чаю. Лучшей рекламы для булочной не придумаешь! А вот тебе еще одна булочка — за сегодняшний день.

Артур схватил в клюв булочку и полетел к адмиралу Нельсону.

— Попробуйте булочку, милорд, — сказал он и отломил адмиралу Нельсону половину.

— Благодарю! — сказал адмирал Нельсон.

— Взгляните на этих голубей, милорд, — сказал Артур. — Они опять жуют пшено. Лично я предпочитаю булочки.

— Я тоже! — ответил адмирал Нельсон.

Точка-мама и Точка-дочка

Жил-был на свете Карандаш. Он очень любил рисовать всякие палочки, закорючки и загогулины. Но однажды он сказал:

— А теперь я буду рисовать точки.

И он нарисовал одну точку большую и другую маленькую.

— Ты будешь Точка-мама, — сказал он большой точке. — А ты — Точка-дочка, — сказал он маленькой.

Сначала точки были очень довольны.

— Хорошо быть точкой! — говорили они. — Куда лучше, чем какой-нибудь закорючкой или загогулиной.

— Не задавайтесь, пожалуйста! — сказала Загогулина, их соседка. — Подумаешь, какие-то там Точки. Сидите и помалкивайте!

Они сидели и помалкивали, но потом Точка-мама сказала:

— Поиграть бы во что-нибудь!

— Разве тебе полагается играть? — удивилась Точка-дочка. — Ты ведь большая. Мне вот можно играть, я маленькая. А ты должна работать и вообще заниматься только серьезными делами.

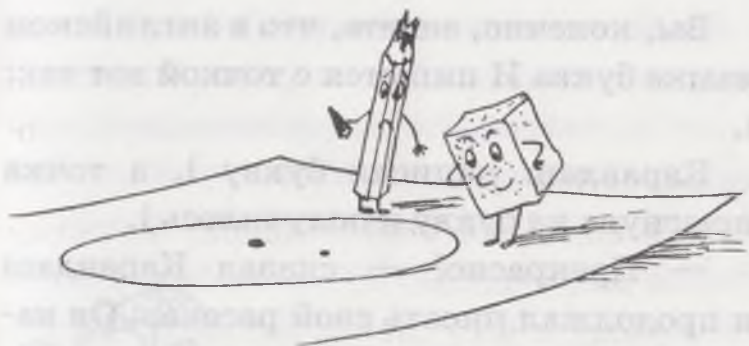
— А я не хочу! — сказала Точка-мама. — Играть веселей!

— Э нет, это не по правилам, — сказал Карандаш и обвел большую точку Кругом, чтобы она никуда не убежала.

Точка-мама очень рассердилась.

«Как же мне выбраться из этого Круга? — подумала она. — Может быть, заплакать? А потом по морю слез переплыть через Круг?»

И она попробовала заплакать, но не сумела выжать ни слезинки.

— Слезами горю не поможешь, — сказал Круг. — Промокашка их живо высушит.

«А может, поговорить по-хорошему с Кругом? — подумала точка. — Вдруг он меня выпустит? Поздороваясь с ним и скажу: «Доброе утро, милый Круг! Как поживают в круге маленькие дуги? Все ли здоровы в кругу вашей семьи? А как Полярный Круг, ему уже лучше?» Но вряд ли и это поможет».

А в это самое время Карандаш решил: «Напишу-ка я рассказ!»

И начал писать.

Маленькой точке он сказал:

— Встань-ка, пожалуйста, над буквой И.

Вы, конечно, знаете, что в английском языке буква И пишется с точкой вот так:
i.

Карандаш написал букву i, а точка прыгнула на букву и получилось i.

— Прекрасно! — сказал Карандаш и продолжал писать свой рассказ. Он написал его до конца, оставалось только поставить точку, но тут Карандаш вдруг сломался. И очень огорчился.

— Не плачь! — сказал Ластик. — Я сотру часть Круга, тогда точка сможет выйти из него и стать в конце твоего рассказа.

— Это мысль! — обрадовался Карандаш. — Большое тебе спасибо, дорогой Ластик.

И вот Ластик стер часть Круга, точка вышла из него и стала в конце рассказа, который написал Карандаш.

Вот и вся история... Точка!

Путешествие Дейзи в Австралию

Жила-была на свете ленивая слониха. Звали ее Дейзи. Каждый день после обеда — если только не было дождя — она устраивалась под высоким дубом вздремнуть, и снилось ей, что она лежит на большой-пребольшой пуховой перине.

— Как бы мне хотелось иметь настоящую пуховую перину, — сказала она однажды ласточкам, сидевшим на дубе. — Я бы выпалась на ней хорошенько, а потом отправилась бы в Австралию к бабушке.

— Ты слишком ленива, Дейзи, — сказали ласточки. — Лучше поспи еще.

— А может быть, крот выроет мне в саду туннель до самой Австралии? Вот бы хорошо! — размечталась Дейзи.

И она попросила Эрнеста — так звали крота — вырыть для нее туннель.

— Ну и дурочка ты, Дейзи, — сказал Эрнест (он-то был поумнее). — Ведь Австралия лежит по другую сторону земного шара, до нее никак не докопаться. Слишком далеко. Легче уж туда перепрыгнуть.

— Перепрыгнуть? — удивилась Дейзи.

— Конечно, — сказал Эрнест, — если ты подпрыгнешь высоко-высоко и не будешь опускаться вниз двенадцать часов подряд, Земля за это время успеет сделать пол-оборота и Австралия окажется как раз под тобой. Тебе останется только приземлиться и пойти в гости к бабушке.

— Нет, — сказала Дейзи, — ТАК высоко мне не подпрыгнуть. Даже если меня будет учить прыгать кузнечик.

— Тогда сунь хобот в землю и дунь! — сказал Эрнест. — Может быть, ты взлетишь, как ракета.

— Я не умею сильно дуть, — сказала Дейзи. — Вот если бы у меня была настоящая ракета! Раз — и ты в воздухе, хлоп — и ты опять на земле, уже в Австралии. Так бы я согласилась.

— Что ты! — сказал Эрнест. — Кто это посадит слоницу на ракету! Попробуй лучше сама взлететь, как ракета. Я придумал, как тебе научиться дуть по сильнее. Ты должна выпить ванну шипучки. Тогда у тебя внутри как за-шшш-шипит, как за-бббб-бурлит, как за-сссс-свистит — совсем как у настоящей ракеты.

— Это я могу! — сказала Дейзи.

И она выпила ванну шипучки. Тут же внутри у нее как за-шшшш-шипит, как за-ббб-бурлит, как за-сссс-свистит! Она скорее хобот в землю, схватила зонтик и взвилась в воздух — почти до самой луны. Потом раскрыла зонтик и стала мягко приземляться.

— А пока она спускалась, Земля продолжала вращаться, поэтому ей удалось приземлиться как раз в Австралии.

Там ее радостно приветствовали.

— Какая умная слониха! — говорили все. — Ведь это прекрасный способ сэкономить на билетах. Ты заслужила награды. Что ты хочешь?

— О, пожалуйста, большую пуховую перину, — сказала Дейзи. — Я лягу на нее, хорошенько выплюсь, а потом пойду в гости к бабушке.

Так Дейзи наконец получила пуховую перину.

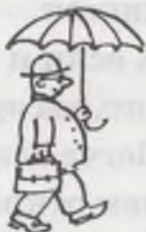
— Смотрите! — сказала она австралийским ласточкам. — У меня теперь настоящая перина.

— Подумаешь, — сказали ласточки. — У нас тоже! — И они спрятали голову под свои пушистые перышки и заснули.

Вниз!

В Лондоне на пятом этаже большого дома жил человек, по имени мистер Уоллингтон.

Каждое утро в половине девятого он уходил на работу. Перед уходом он целовал жену, гладил кошку и раскрывал над головой зонтик.

Он всегда выходил из дому с раскрытым зонтиком.

— На всякий случай! — говорил он.

И никогда не ходил пешком по лестнице, а поднимался или спускался только в лифте — ведь он жил на пятом этаже.

Каждый раз, когда он входил в лифт с раскрытым зонтиком, все удивлялись и спрашивали:

— Почему вы едете в лифте с раскрытым зонтиком? Здесь ведь нет дождя.

— На всякий случай! — отвечал мистер Уоллингтон.

— А если и на улице нет дождя, тогда, выходит, вы зря раскрывали зонтик?

— Легче закрыть зонтик, когда нет дождя, чем открыть, когда идет дождь.

— Это верно, — соглашались все. — Всего вам доброго, мистер Уоллингтон!

Швейцар у подъезда говорил ему:

— С добрым утром, мистер Уоллингтон!

Швейцар носил синюю форму с серебряными пуговицами и следил, чтобы всё было в исправности — и лифт, и дверные звонки, и лампочки на лестнице.

И вот однажды, собравшись, как всегда, на работу, мистер Уоллингтон сел в пустой лифт и уже хотел было нажать на кнопку «вниз», как вдруг у него мелькнула мысль:

«А что если нажать не «вниз», а «вверх»?

Потом он подумал:

«Интересно, а что получится, если нажать сразу на обе кнопки? Поеду я вверх, вниз или останусь на месте? Конечно, это нарушение правил! Но все-таки попробую, посмотрим, что будет». И он нажал сразу на обе кнопки.

Не успел он это сделать, как раздался ужасающий треск — словно тележка молочника врезалась в паровоз, — лифт

разорвался пополам: верхняя половина поехала ВВЕРХ, нижняя — ВНИЗ. А сам мистер Уоллингтон полетел вниз на зонтике, как на парашюте.

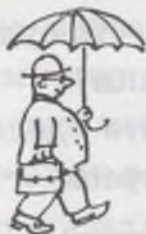
«Ай, ай! — подумал он. — А вдруг швейцар рассердится? Мне еще повезло, что зонтик был раскрыт».

Когда мистер Уоллингтон спустился вниз, швейцар уже ждал его и от волнения переступал с ноги на ногу.

— Так-так, мистер Уоллингтон, — сказал он. — Так-так!

— С добрым утром, господин швейцар! — сказал мистер Уоллингтон. — Ка... какая прекрасная сегодня погода! — И вышел на улицу.

— Ай-ай! — сказал швейцар. — А ведь он шалун!

Имбирное печенье

Жил на свете премьер-министр. Он был не очень умный премьер-министр, и, когда он произносил свои длинные речи, все только вздыхали: «Да ну! Ерунда какая!», или: «Вот глупость-то!», или просто: «Ну и ну!»

И однажды жена премьер-министра сказала ему:

— Если бы ты не произносил речей, дорогой, все считали бы тебя умным.

— Я и так УМНЫЙ! — сказал премьер-министр.

Жена премьер-министра сделала вид, что не расслышала.

— Я тебе дам совет, — продолжала она. — Завтра возьми с собой в парламент слона, пусть он сидит рядом, когда ты будешь произносить речь.

— Зачем же мне слон? — удивился премьер-министр.

— Не спорь! У меня есть план. Твое дело взять слона.

— Но слонов туда не пускают, — сказал премьер-министр. — У входа висит объявление: «Членам парламента приводить на заседания домашних животных не разрешается».

— А про слонов там написано?

— Нет.

— Вот видишь, значит, слонов можно.

На другое утро, позавтракав, премьер-министр покинул свой дом номер десять по Даунинг-стрит, чтобы идти в парламент держать речь. Жена подала ему шляпу и конец веревки, за которую был привязан слон. Слон оказался очень послушным. Он без разговоров пошел за премьер-министром, но вот сесть в машину при всем желании не сумел.

— А может, посадить его наверх? — предложил премьер-министр.

— Да что ты, разве можно! — воскликнула жена. — Он же умрет там от страха. Пусть идет пешком. До парламента недалеко.

— Ладно! — согласился премьер-министр.

Жена премьер-министра дала слону на дорогу большой пакет с имбирным печеньем. Слон был очень доволен и всю дорогу не выпускал пакет из хобота.

Так они добрались до парламента. премьер-министр провел слона в зал заседаний и усадил его рядом с собой.

Потом премьер-министр встал и начал говорить речь, а слон открыл пакет и сунул себе в рот хрустящее имбирное печенье. Ну и шуму было, пока он жевал его!

Никто не мог и слова расслышать из речи премьер-министра, хотя он прямо-таки кричал, а не говорил.

Но когда он умолк, все захлопали.

— Это лучшая речь нашего премьер-министра! — говорили все. — Оказывается, он умный человек!

И все подходили к нему и жали ему руку.

Премьер-министр был очень доволен, и с этого дня всякий раз, когда ему предстояло произносить в парламенте речь, он брал с собой слона, а жена премьер-министра давала слону на дорогу большой пакет с имбирным печеньем.

«До чего же вкусное это имбирное печенье! — думал слон. — Хруст-хруст-хруст!»

— И медведей?

— Гораздо страшней.

Тигр замурлыкал от удовольствия. Мальчик начинал ему нравиться.

— А ты славный! — сказал он и лизнул Сади.

С этого дня они часто гуляли вместе и рычали друг на друга.

Лошадь молочника

Жила-была на свете очень умная лошадь. Ее звали Тэрри. Она научилась писать и написала своему хозяину-молочнику записку:

Дорогой хозяин
не греми так громко
бутылками
я еще сплю и встану позно
С уважением
твоя Тэрри.

И показала записку другим лошадям в конюшне.

— Стараюсь кое-что вспомнить, — ответил папа-слон.

— Что же ты стараешься вспомнить?

— Если бы я знал, — ответил папа-слон, — я бы не старался. Не так ли, голубушка?

— Ялмар, — сказала слониха-мама сыну, — беги скорей и постарайся найти, что забыл папа.

И Ялмар побежал по дороге. Потом поднялся на невысокий холм возле бамбуковой рощи и присел отдохнуть, а заодно посмотреть, как играют в салки облака на небе.

Вдруг ему послышалось, что кто-то плачет. Плакали совсем рядом, хотя Ялмар не видел кто. И он сказал:

— Не плачь. Хочешь, я помогу тебе?

Плакать перестали.

— Кто ты? — спросил Ялмар.

— Забытый день рождения. Я не знаю, чей я.

— Ай! — сказал Ялмар. — Вот беда. А праздничный пирог у тебя есть?

— Конечно! Какой же это день рождения без пирога? На моем вот шесть свечей, значит, кому-то сегодня исполнилось шесть лет.

«Как хорошо, когда тебе шесть лет! — подумал Ялмар. — Очень хорошо. Почти так же хорошо, как семь. Пять лет тоже неплохо, да и четыре — ничего. Ну а когда восемь — когда восемь, ты уже наполовину взрослый. И все-таки, пожалуй, лучше всего, когда тебе шесть».

— Мне очень, очень жаль, — сказал он. — Но я ничем не могу тебе помочь. Я просто не знаю, кто забыл свой день рождения.

И Ялмар поспешил домой. Когда он вернулся, папа-слон уже не стоял на голове, а сидел за столом и обедал.

— Вспомнил! — сказал папа-слон. — Я так и знал, что это вчера, или завтра, или сегодня. Так и знал!

— Что сегодня? — спросил Ялмар.

— Что сегодня твой день рождения! — сказала слониха-мама, входя в комнату. — Тебе сегодня исполнилось шесть лет.

Ялмар разволновался и побежал скорее назад к невысокому холму возле бамбуковой рощи.

— Послушай! — крикнул он. — Оказывается, ты МОЙ день рождения. Мне сегодня шесть лет!

— Ура! — закричал забытый день рождения. — Ура, ура, ура!

Вечером к чаю Ялмар получил праздничный пирог с шестью свечами. Он вытянул хобот и задул все свечи разом.

«Вот здорово! — подумал он. — Хорошо, когда тебе шесть лет».

Амур и соловей

Однажды в Лондон прилетел соловей. Он сел на фонтан посреди площади Пикадилли и запел для Амура — крылатого мальчика с луком и стрелами, который стоит высоко над фонтаном.

Была темная летняя ночь, и соловей пел о деревьях и цветах за городом, о море и синих волнах с белыми гребешками, набегающих на рыжеватый песчаный берег, о детях, которые играют, строят песчаные замки, запускают воздушные змеи, едят конфеты, плавают и катаются на лодке по морю.

— Наверное, все это чудесно! — сказал Амур. — А здесь только автобусы и такси, машины и люди, которые вечно спешат на работу или за покупками. Как бы мне хотелось, чтобы здесь было море!

Амур вздохнул, и по его щеке скатилась слеза.

— Милый соловей, попроси море прийти сюда хотя бы на один день.

— Хорошо, попрошу, — сказал соловей и улетел.

На другой вечер, как только начали зажигаться звезды, соловей прилетел на берег моря, сел на пенек и запел о мальчике, который стоит один-одинешенек на верхушке фонтана в далеком Лондоне.

Ветер унес его песню в море, и волны тоже услышали ее. Соловей пел всю ночь и улетел только с восходом солнца.

Однажды, когда лондонцы вышли на улицу, чтобы идти на работу, они не узнали свой город. На площади Пикадилли разлилось настоящее море, по нему хо-

дили волны, бившие о песчаный берег Риджент-стрит и Шефтсбери-авеню. Светило солнце. А вместо автобусов, такси и машин по улицам плавали лодки.

Люди сбрасывали шляпы и одежду и надевали купальные костюмы, дети приносили ведерки и лопаты и садились играть в песочек. А некоторые верхом на доске неслись по Хаймаркет, взлетали на светлые гребни волн и, проплывая мимо Амура, обдавали его брызгами, и он смеялся от радости.

К вечеру собрались грозовые тучи, небо потемнело и полил ливень. А когда он кончился и небо очистилось, площадь Пикадилли выглядела, как и прежде — статуя Амура посередине, а вокруг автобусы и такси, машины и люди, машины и люди...

Как только стемнело и все разошлись по домам, опять прилетел соловей и сел на фонтан.

— Спасибо тебе, соловей! — сказал Амур. — Это было чудесно!

Скоро опять начался дождь. Соловей нашел себе сухое местечко у ног Амура, спрятал голову под крыло и крепко заснул.

БЕСЕДЫ С ТИГРОМ

Слова и дела являются двумя сторонами одной медали. Слова — это форма мысли, а дела — это форма жизни. Слова — это семена, а дела — это плоды. Слова — это ветер, а дела — это море. Слова — это огонь, а дела — это железо. Слова — это вода, а дела — это камень. Слова — это воздух, а дела — это земля. Слова — это свет, а дела — это тьма. Слова — это жизнь, а дела — это смерть. Слова — это любовь, а дела — это ненависть. Слова — это правда, а дела — это ложь. Слова — это добро, а дела — это зло. Слова — это истина, а дела — это клевета. Слова — это справедливость, а дела — это несправедливость. Слова — это мир, а дела — это война. Слова — это согласие, а дела — это разногласие. Слова — это дружба, а дела — это вражда. Слова — это уважение, а дела — это унижение. Слова — это честь, а дела — это позор. Слова — это слава, а дела — это позор. Слова — это богатство, а дела — это бедность. Слова — это здоровье, а дела — это болезнь. Слова — это молодость, а дела — это старость. Слова — это жизнь, а дела — это смерть.

С ТНТ РОМ РЕГЕДПИ

Первая беседа с тигром

На столе лежала книжка с картинками. Луна заглянула в окно и увидела на первой странице тигра.

— Какой ты худой! — сказала луна тигру. — Наверное, давно не ел?

— Гррррр, — ответил тигр, — давно.

— А чего бы тебе хотелось?

— Сказку!

— Сказку?

— Да, хорошую сказку. Когда мне рассказывают хорошие сказки, я толстею.

— А видишь вон в том окне человека, — спросила луна, — в доме напротив? Он писатель и умеет придумывать очень хорошие сказки.

— Не вижу, — ответил тигр. — Ничего не вижу, кроме букв в книжке.

— Ах, глупый ты тигр, — сказала луна. — Ты всё еще на первой странице. Перевертывай ее скорей, и на второй странице я познакомлю тебя с писателем.

— Вот и я! — сказал тигр, перескочив на вторую страницу.

— А вот писатель! — сказала луна. — Познакомьтесь, пожалуйста.

— Привет, тигр!

— Грррррррррр...

— Ой, разве так здороваются вежливые тигры? — удивился писатель.

— Гррр, а я голодный.

— Ай, ай, ай! Принести тебе косточек?

— Гррр, я не люблю кости.

— А мясо?

— И мясо не люблю.

— А что же ты любишь?

— Сказки! Хорошие сказки. От них я толстею.

— Вот чудеса! А про кого же ты хочешь послушать сказку?

— Про тигра!

— Про тигра? Про тигра... да... А если про слона?

— Ладно, пусть про слона, только хорошую. От плохих сказок у меня болит живот. А совсем от плохих я умираю, вот так... — И тигр лег, задрав кверху лапы.

— Пожалуйста, не умирай! Лучше послушай сказку про слона.

Сказка про слона, про костер и про белую уточку

Жил-был на свете слон, очень большой, совсем некрасивый, но очень добрый. Звали его Лони.

Однажды он пошел гулять. Шел, шел и пришел к пылающему костру. Возле костра грелась белая уточка, а рядом был пруд, Уточкин пруд. И высокое пламя костра отражалось в нем как в зеркале.

Лони остановился, чтобы полюбоваться и на костер, и на его отражение в воде, и на белую уточку. Но тут набежала тучка и стал накрапывать дождь. Костер испугался.

— Если дождь разойдется, я погиб! — всхлипнул он.

— Ах, что ты, не плачь, — сказала белая уточка, — не то сам себя зальешь слезами.

Уточку звали Миранда.

— Постараюсь, — сказал костер.

— Не унывай, дружище! — сказал Лони и подул на костер.

Костер чуть разгорелся и повеселел. Но дождь лил всё сильнее, и тогда Лони попросил белую уточку лететь скорее к тучке и сказать ей, что, если она не перестанет поливать дождем, он, Лони, так дунет, так дунет, что развеет всю тучу, и от нее ни облачка не останется.

Миранда полетела к тучке и всё ей сказала, как велел Лони.

— Ох, прости, пожалуйста, — сказала тучка. — Но дело в том, что, когда я увидела тебя, я подумала: «Утки больше всего на свете любят плескаться в воде», и я полила тебя дождем. Больше я не буду!

— Спасибо! — сказала Миранда и полетела назад.

А тучка полетела в другую сторону.

Не жалея сил, Лони дул и дул на костер, и костер разгорелся ярче прежнего. Он был очень доволен, но теперь Миранда загрустила.

— Что с тобой? — спросил ее Лони.

— Я... я... я... так люблю дождик, — призналась Миранда. — Все утки любят.

— Ну, этому горю нетрудно помочь, — сказал Лони.

Он опустил хобот в пруд, набрал побольше воды и обдал уточку настоящим ливнем.

Миранда захлопала крыльями и закричала от удовольствия.

— Настоящий дождь! Даже лучше, чем дождь! — радовалась она.

Лони снова опустил хобот в пруд, набрал побольше воды и опять полил белую уточку дождем. А потом набрал побольше воздуха и подул на костер.

Но вот пришло время возвращаться ему домой. Лони сказал «до свиданья» и пошел. Миранда долго смотрела ему вслед, и ей казалось, что он становится все меньше и меньше. Наконец Лони совсем исчез из глаз. Тогда Миранда подбросила в ко-

стер веточек, спрятала голову под крыло и заснула.

Ей приснился Лони, такой большой, не очень красивый, но очень добрый.

— Всё, конец? — спросил тигр.

— Этой сказке конец, — сказал писатель.

— Теперь и я могу лечь спать?

— Если хочешь, конечно.

— И могу проспять всю страницу?

— Даже две, если хочешь.

— Нет, я посплю в уголке на следующей странице, где пустое место, а потом проснусь, и ты мне расскажешь новую сказку. — И тигр свернулся калачиком в самом нижнем углу страницы, там, где не было ни рисунков, ни букв.

Но ему не спалось.

— Один глаз у меня уже открыт, видишь? — сказал он.

— Нет, что-то не вижу, — сказал писатель.

— Открыт! Поэтому расскажи мне еще сказку.

— Про кого же?

— Про тигра!

— Опять про тигра? Это скучно.

— Ну, тогда про кошку. Кошка — это почти тигр. Маленький тигр. Расскажи мне про кошку Дика Уйтингтона. Как Дик поднялся на Хайгетский холм, оглянулся на Лондон и сказал: «Однажды я стану лорд-мэром Лондона».

— Да ведь это народная сказка. Народная английская сказка, и ты ее прекрасно знаешь. Нет, лучше я расскажу тебе про девочку с Хайгетского холма.

— Давай рассказывай!

— Пожалуйста?

— Да, рассказывай, пожалуйста!

Сказка про Девочку с Хайгетского холма

Прекрасным субботним утром королева проснулась и выглянула в окно.

«Какая чудесная сегодня погода! — подумала королева. — Надо пойти гулять. Буду гулять, пока не найду самого мудро-

го человека в моем королевстве. И сделаю ему подарок».

Она позавтракала, попрощалась со своей кошкой Сьюки, села в золотую карету и сказала кучеру:

— К Хайгетскому холму!

— Слушаюсь, ваше величество, — ответил кучер. — Н-но, пошли!

Когда они доехали до Хайгетского холма, кучер остановил карету, чтобы напоить лошадей, а королева пошла купить себе рыбы с жареной картошкой. Ей вдруг очень захотелось рыбы с жареной картошкой в пакетике за один пенни.

— Вот и тебе рыба с жареной картошкой! — сказала она кучеру.

— Спасибо, ваше величество, — сказал кучер.

— А пока ты тут ешь, я прогуляюсь и поищу самого мудрого человека в моем королевстве.

И она с радостью отправилась гулять по улицам Лондона.

— С добрым утром, ваше величество! — говорили люди.

— С добрым утром! — отвечала королева. — Я ищу самого мудрого человека в моем королевстве. Хочу сделать ему подарок. Кто, по-вашему, самый мудрый?

Люди почесывали в затылках.

— Быть может, премьер-министр?

— Или лорд-мэр?

— Ах, нет, нет! — говорила королева.

Она оглядывалась по сторонам, но не видела никого, кроме обыкновенных прохожих, которые вышли утром за покупками.

— Какой сегодня прекрасный день, — вздохнула королева, — и птицы поют, и солнце светит. Как бы мне хотелось...

Но тут она остановилась.

Навстречу ей шла девочка в желтой шапочке и в желтых носочках. В руках она несла кошелку и прыгалки. Девочка поставила кошелку с продуктами на землю и начала прыгать.

— Какая прелесть! — сказала королева. — А можно и мне попрыгать?

— Конечно, ваше величество! — сказала девочка.

— Только поддержи, пожалуйста, мою корону! — попросила королева.

Девочка взяла у королевы корону и отдала ей прыгалки.

Прыг-скок! Прыг-скок! До чего же веселое это оказалось занятие! Вокруг собрались люди. Они хлопали в ладоши, а кто-то даже попробовал сочинить стихи, только стихи получились совсем плохие.

Когда королева кончила прыгать, она отдала девочке прыгалки и сказала:

— Я считаю, что прыгать через скакалку в субботу утром — самое мудрое занятие на свете. Выходит, ты самая мудрая в моем королевстве, и я хочу сделать тебе подарок. Что ты любишь больше всего?

— Виноград! — сказала девочка. — Только без косточек.

— Прекрасно! — сказала королева. — Ты получишь в подарок мою собственную косточковынималку.

— Большое спасибо, ваше величество, — сказала девочка.

— А теперь мне пора, до свиданья! — сказала королева.

— До свиданья! — сказали все.

Девочка отдала королеве корону, королева надела корону на голову и ушла.

— Ты уже съел рыбу с жареной картошкой? — спросила она своего кучера.

— Съел, спасибо, ваше величество! — ответил кучер. — И кони уже напились.

— Прекрасно! — сказала королева. — Тогда поехали во дворец.

Люди на улице кричали и махали им вслед. А потом пошли в магазин и купили себе прыгалки.

И теперь по субботам утром можно видеть, как жители Хайгетского холма скачут через скакалку в магазин и обратно.

— Ну как, понравилась тебе эта сказка? — спросил писатель у тигра.

— Очень! А вот конец этой страницы мне что-то не нравится.

— Да-а, мне тоже, — сказал писатель.

— Там нарисовано какое-то страшное чудовище.

— Не какое-то, а Крокоидл-Иддл-Буу, разве ты не умеешь читать?

— Я плохо вижу, — сказал тигр.

— Знаешь что? Давай-ка мы с тобой перейдем на цыпочках на другую страницу, пока чудовище нас не заметило.

— Давай, и ты расскажешь мне новую сказку. Про тигра, пожалуйста!

Сказка про тигрицу Барчу и тигренка Ачу

У тигрицы Барчу был тигренок. Звали его Ачу. Когда тигрица грелась на солнце, Ачу любил играть ее длинным хвостом. А вот в школу он не любил ходить. И когда мама ему говорила:

— Ачу, посмотри, вон все послушные тигрята уже пошли в школу, а ты...

— Ой, ой, ой, — застонал тигр.

— Что с тобой? — спросил писатель.

— Ой, живот заболел!

— Бедняжка, хочешь горячую грелку?
Но тигр замотал головой.

— Тогда слушай дальше...

— Ачу, — сказала тигрица-мама, — все послушные дети давно уже сидят в школе и учатся читать, а ты...

— А я плохо вижу, мне вредно, — сказал Ачу.

— Я умер, — сказал тигр и лег на спину.

— Отчего? — спросил писатель.

— Мне не нравится эта сказка.

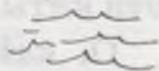
— Ты же сам просил сказку про тигра.

— Хорошую, а это плохая. Лучше расскажи мне про море.

— Про море так про море.

Сказка про морского царя И КИТОВ

Давным-давно, когда море еще только появилось на свет, оно было совсем не соленое. И бурь на море не случалось. Оно было тихое и спокойное, как большой пруд.

Однажды морской царь Нептун сидел со своими прекрасными дочерьми — их

было всего сорок — на дне моря. У десяти девочек были желтые волосы, еще у десяти — черные, еще у десяти — белые, а у последних десяти — красные. И у всех сорока — очень хорошенькие блестящие рыбки хвосты.

Мимо проплыла сельдь, и Нептун заметил, что она плачет. Потом проплыл полосатый морской черт и несколько морских коньков — тоже все в слезах! И плачущий палтус. Нептун посмотрел себе под ноги и на дне морском увидел плачущую морскую звезду, а рядом с ней рыдающего омара.

— Что случилось, дружище омар? — спросил его Нептун.

— Ах, сэр! — всхлипнул омар. — Опять эти киты. Они пьют море.

О, как царь Нептун рассердился! Он всплыл на поверхность моря, огляделся и, куда бы он ни бросил взгляд, всюду видел больших и даже огромных китов. И все они пили море. И море мелело прямо на глазах.

— Вот негодники! — сказал Нептун. — Надо прекратить это безобразие.

Он снова нырнул на дно и позвал к себе дочерей.

— Плывите, мои крошки, в дворцовую кухню, — сказал он. — Там в шкафу вы найдете мешки с солью. Возьмите каждая по мешку и скорей возвращайтесь.

И все сорок дочек морского царя поплыли в дворцовую кухню и вернулись каждая с большим мешком соли.

Тогда Нептун сказал своим желтоволосым дочкам:

— Плывите, мои малютки, на восток, рассыпайте по дороге соль и развевайте ее во все стороны хвостами.

А черноволосым дочкам он сказал:

— Плывите, милые, на юг, рассыпайте соль из мешков и развевайте ее во все стороны.

Беловолосым дочкам он сказал:

— Плывите, детки, на запад и делайте то же самое.

Красноволосым он сказал:

— А вы, мои хорошие, плывите на север и, не жалея соли, посолите море.

И все его дочери уплыли кто куда и сделали всё, как велел им отец.

На другой день киты, как всегда, стали пить море.

— Ой, — сказали они, — оно же соленое!

Им было противно глотать соленую воду, и они выпустили ее обратно могучим фонтаном. И от огорчения забили по воде хвостами, отчего на море поднялась страшная буря.

А царь Нептун смеялся.

— Вот и прекрасно, — сказал он. — Теперь море будет всегда соленым, и киты не станут его пить, а станут от огорчения бить хвостами, и поднимется страшная буря. Но уж лучше иногда буря на море, чем совсем без моря, верно?

— Ты прав, дорогой отец! — сказали все сорок дочек, и каждая поцеловала его.

Вот почему море соленое и на нем случаются бури.

— Вот здорово, а я и не знал, — сказал тигр, когда писатель кончил сказку про море. — А теперь нарисуй, пожалуйста, ванну.

— Ванну?

— Да, ванну с холодной водой. Тигры очень любят купаться в холодной воде.

Писатель нарисовал ванну с водой, и тигр влез в нее.

— Ты доволен? — спросил писатель.

— Очень!

— По-моему, тебе уже пора вылезать.

— Еще немножко.

— Вылезай, вылезай, не то мне придется взять ластик и стереть ванну. — И писатель взял ластик и стер кусочек ванны.

— Ой, что ты наделал! — закричал тигр. — Смотри, вода льется прямо на страницу. Ты зальешь всю книжку.

— Ничего, я сейчас сотру и воду, и ванну.

— Ну вот, ты стер и половину моих полосок.

— Не волнуйся, полоски я сейчас опять нарисую. Вот так! — И писатель нарисовал тигру полоски.

— А зачем тигры полосатые? — спросил тигр.

— Опять Гррр рычит в джунглях, — говорил он королеве. — Грозный он лев! А знаешь, дорогая, о чем я подумал? Он был бы надежным стражем в нашем замке. И тогда уж никто не посмел бы украсть королевские драгоценности. Я очень беспокоюсь за них, когда их стерегут только кошка да мышка.

— Ты прав, дорогой, — сказала королева.

И король тут же приказал премьер-министру пойти в джунгли к Гррр Грозному и пригласить его во дворец, чтобы он стерег королевские драгоценности.

— А заодно и с нашим ребенком посидит, — сказала королева. — А то я никогда не могу уйти из дому.

И премьер-министр отправился в джунгли. Но, увидев Гррр Грозного, он так испугался, что залез на дерево.

— Король просил узнать у тебя, не согласишься ли ты пойти во дворец стеречь королевские драгоценности? — крикнул он. — А королева просила, чтобы ты иногда посидел с ребенком!

Грррр охотно согласился и пошел с премьер-министром в замок. Король сказал ему:

— Садись перед воротами замка и рычи как можно громче.

И Грррр рычал:

— ГРРР! ГРРРРРРР!

— Прекрасно! — сказал король.

Но королева была недовольна.

— Он так грозно рычит, что пугает ребенка, — сказала она. — Я этого не потерплю.

Она высунулась из окна и крикнула льву:

— Ты слишком громко рычишь! И каждый раз будишь и пугаешь ребенка.

Грррр подумал немного, потом пошел в джунгли, нашел там своего друга Ррррр Тихоню и попросил его пойти вместе с ним в замок.

Ррррр пошел и стал рычать тихонько-тихонько:

— Рррррр, рррр...

На этот раз королева осталась очень довольна.

— Прекрасно! — сказала она. — Решено, когда ребенок проснется, сторожить и рычать будет Гррр Грозный, а когда заснет, рычать и сторожить будет Рррр Ти-хоня.

Рррр и Гррр тоже были довольны и на радостях обнялись. Крепко-крепко!

— Давай и мы обнимемся! — сказал тигр писателю.

— Ой, осторожней! Ты переломаешь мне все кости.

— Прости, я нечаянно! Тебе очень больно?

— Нет, уже ничего, обошлось.

— Тогда расскажи мне еще сказочку!

— Стоит ли? Ты и так уже толстый. Посмотри на себя в зеркало! Тебя просто не узнать.

— Ну, пожалуйста, расскажи, самую-самую последнюю...

— Ох и хитрый ты, тигр! Ладно уж, слушай.

И писатель рассказал тигру самую последнюю сказку.

Сказка про Ленивого короля и Умного паука

Очень давно, когда прапрадедушки нынешних тигров были еще совсем маленькими, жил на свете один ленивый король.

Завтрак ему подавали в постель. Потом он чистил зубы и читал газеты.

Так он весь день больше ничего и не делал, только валялся в постели, ел конфеты, печенье и читал газеты. Иногда, правда, он опять засыпал.

Каждый вечер к нему являлся королевский оркестр и играл для него. Представьте, настоящий оркестр! С трубачом, барабанщиком и с двумя флейтистами.

А когда музыканты кончали играть, король съедал несколько бисквитов, запивал их молоком, целовал в лоб королеву и сладко засыпал.

Королева была в отчаянии.

— Весь день он лежит в постели! — жаловалась она премьер-министру. — Народу это не нравится. «Какая польза от

короля, который весь день лежит в постели! — говорят все. — Мы его никогда не видим и не можем даже кричать «Ура!» или «Да здравствует король!». Я его прошу — вставай! А он не хочет. Ему только и нравится, что валяться в постели и слушать свой оркестр.

Королева даже заплакала от огорчения.

— Не плачьте, ваше величество! — сказал премьер-министр.

Он надел шляпу и пошел домой думать. Он думал весь день, но так и не придумал, как же заставить короля встать с постели.

А в саду у премьер-министра жил паук. Звали его Гораций. В тот день Гораций, как всегда, отдыхал в своей паутине и наблюдал, как жена премьер-министра, Матильда, развешивает белье, а сам премьер-министр нервно ходит туда-сюда и время от времени почесывает у себя в затылке.

— Что ты чешешь в затылке? — спросила его Матильда.

— Мне это помогает думать, дорогая, — ответил премьер-министр. — Королева ждет от меня совета, как заставить короля подняться с постели, понимаешь?

Гораций услышал, что сказал премьер-министр, и подумал: «Может быть, мне стоит залезть в его шляпу? Когда премьер-министр наденет шляпу, я пощекочу ему макушку, он почешет ее и сразу все придумает».

Шляпа премьер-министра лежала на траве как раз под паутиной. Гораций спустился вниз по длинной нити и залез в шляпу.

— Иди чай пить! — позвала Матильда из дома.

Премьер-министр подхватил свою шляпу и отправился пить чай. А потом надел шляпу и пошел к королеве. Тут Гораций и пощекотал его.

— Ой, до чего щекотно! — сказал премьер-министр, снял шляпу и почесал в затылке.

И тут же у него мелькнула идея.

— Придумал! — воскликнул он. — Придумал, что делать!

Тогда Гораций вылез из шляпы.

— Это ты мне помог? Вот умница, — похвалил паука премьер-министр. — Я почесал в затылке, и тут у меня родилась идея, как заставить короля встать с постели. Вот обрадуются все: и королева, и народ.

Во дворец премьер-министр вошел не с парадного входа, а с черного, и встретил там королевского трубача, и сообщил ему свой план, который придумал по дороге.

— Прекрасно придумано! — одобрил его план королевский трубач. — Непременно подействует. Пойду расскажу остальным.

Он рассказал всем музыкантам, что придумал премьер-министр, и они, как положено, явились в спальню короля.

А премьер-министр рассказал свой план королеве, и она тоже пришла к королю.

Король очень обрадовался всем.

— Входите, входите! Можете сесть ко мне прямо на кровать, — сказал он премьер-министру. — Ой, только, чур, не на ноги, осторожней! И вы, дорогая, присаживайтесь, — сказал он королеве. — Послушаем вместе музыку. Начинайте, друзья! — сказал он музыкантам.

И грянула музыка! Барабанщик барабанил что было сил. Трубач трубил, не жалея легких. И даже флейтисты старались играть погромче.

— Ой, слишком громко! — сказал король. — Играйте нежно и тихо, как всегда.

— Громко? — удивился дирижер оркестра. — Ваше величество, — обратился он к королеве, — разве мы громко играем?

— Не нахожу, — ответила королева. — Мне очень нравится, как вы играете. Продолжайте, пожалуйста.

И музыка грянула еще громче.

— Прекрасное исполнение! — закричала королева.

— Очень, очень милая, нежная, убаюкивающая музыка! — прокричал в ответ премьер-министр.

«Наверное, я схожу с ума, — подумал король. — Какая же это нежная, убаюкивающая музыка?»

Он сунул голову под подушку, но всё равно тише не стало.

Тогда он сказал музыкантам:

— Идите к дворцовым воротам, туда, где стоит королевская стража, и играйте оттуда.

— Слушаемся, ваше величество! — сказал дирижер оркестра.

И музыканты ушли к дворцовым воротам. Но на этот раз они только притворились, что играют.

— Почему не слышно музыки? — спросил король.

— Чудесная музыка! — сказала королева. — Я давно не слышала ничего подобного!

— Прелестно! Прелестно! — подхватил премьер-министр.

Король не знал, что и думать. Пришлось ему вылезать из кровати.

Он выглянул в окно. Оркестранты старались изо всех сил — он это видел соб-

ственными глазами. Почему же тогда он не слышал ни звука?

«Надо вникнуть в это дело», — подумал король и сказал:

— Принесите, пожалуйста, мою выходную корону!

— Вашу выходную корону? — удивился премьер-министр. — Она, наверное, совсем запылилась, вы же так давно не выходили на улицу.

— Пустяки, — сказал король, — пыль можно смахнуть. Я должен срочно выйти на улицу.

Он надел корону, королевскую мантию и вышел на улицу.

Как только музыканты увидели короля, они замаршировали прочь от него по улице, делая вид, что усердно играют. И королю ничего не оставалось, как поспешить за ними.

Народ на улице обрадовался, увидев короля. Все снимали шляпы и говорили:

— С добрым утром, ваше величество! Рады вас видеть.

Они пожимали королю руку и махали ему вслед, а один мороженщик даже подарил королю эскимо.

Когда все дошли до городской площади, оркестр заиграл по-настоящему. Король был очень доволен. Он шел рядом с музыкантами, заговаривал с прохожими — словом, развлекался как мог. А потом пошел в магазин и купил книгу веселых рассказов. На обратном пути во дворец один угольщик дал ему покататься в своей тележке с углем.

У ворот дворца короля уже ждали королева и премьер-министр.

— Я прекрасно провел время! — сказал король королеве. — Больше я не буду валяться в постели после завтрака. Я сразу встану, а потом буду сидеть на троне и говорить людям, что надо делать. А потом пойду гулять, и все такое прочее. Теперь я буду хорошим королем!

Королева сияла от счастья и даже поцеловала короля. А потом позвала премьер-министра.

— Спасибо! — сказала она ему. — Ваш план оказался очень удачным.

— Это всё Гораций! — сказал премьер-министр. — Знаете, паук, который живет в моем саду. Это он помог мне всё придумать. Он залез в мою шляпу, пощекотал мне макушку, я почесал в затылке, сразу заработала мысль, и я придумал этот удачный план.

— Какой умный паук! — сказала королева. — Приведите его, пожалуйста, ко мне в субботу на чаепитие.

— С удовольствием, ваше величество, — сказал премьер-министр и откланялся.

А королева, как только он ушел, поспешила в гостиную и принялась вязать для Горация золотую паутину. В субботу премьер-министр взял Горация на чаепитие во дворец. Королева специально для него повесила в саду золотую паутину и после чая прочитала Горацию несколько веселых рассказов. Пауку они очень понравились.

— Спасибо! — сказал тигр. — Эта сказка мне очень понра...

— Что случилось? Почему ты замолчал?

— На следующей странице какое-то малосимпатичное чудовище!

— А может быть, это ты малосимпатичное чудовище? А на той странице, по моему, вполне симпатичная птица. И зовут ее Грабильла.

— Что же тогда я должен делать? Обнять Грабиллу покрепче?

— Конечно!

— А если она укусит?

— А если ты укусишь? Тигры ведь тоже кусаются. Ну, иди, иди. Разбегись, прыгни — и вот ты на другой странице, рядом с Грабиллой. Ну!

Тигр разбежался и прыгнул прямо на следующую страницу.

— Какая ты симпатичная, Грабилла! — сказал он большой птице.

— И ты очень славный тигр! — сказала Грабилла.

— Приходи к нам в субботу на чаепитие! — сказал тигр.

— Спасибо, обязательно приду, — сказала Грабилла.

— Я правильно сделал? — спросил тигр у писателя.

— Совершенно правильно, молодец! — похвалил писатель тигра. — А как же быть с остальными? Их, по-моему, тоже надо позвать.

— Ты имеешь в виду Хампли-Бампли и Крокоидл-Иддл-Буу? А ты... их... не боишься?

— Я-то нет. Ну так как же, позовем?

— Позовем! Ты напиши приглашения и нарисуй почтовый ящик. А я заклею конверты и опущу приглашения в ящик.

— Идет!

Писатель написал три приглашения и нарисовал почтовый ящик, а тигр заклеил конверты с приглашениями и бросил их одно за другим в ящик.

И на следующий вечер к ним пришли гости: Грабилла, Хампли-Бампли

и Крокоидл-Иддл-Буу. Чай был уже готов. Все сели за стол.

В это время в окно заглянула луна.

— Иди к нам чай пить! — позвал ее писатель.

— Только на минуточку, — сказала луна. — Без меня на улице будет совсем темно. Какая тут у вас веселая компания!

— Садись рядом со мной! — сказал тигр. — А после чая мы послушаем новую сказку.

— Ну нет, я не согласен! — сказал писатель. — Сегодня у меня выходной день. И потом, ты и так чересчур растолстел. По-моему, нам сейчас пора попрощаться с ребятами, которые читали эту книжку. Им, наверное, тоже хочется чай пить.

— До свиданья! — сказал тигр.

— До свиданья! — сказала луна.

— До свиданья! — сказали все остальные.

А писатель поставил в своей книжке

ТОЧКУ

СОДЕРЖАНИЕ

Шшшшш!	5
Жук-философ и другие	41
Кукареку и Солнце	85
Под ковром	135
Забытый день рождения	195
Беседы с тигром	251

Для младшего школьного возраста

Биссет Дональд
ВСЁ КУВЫРКОМ
БЕСЕДЫ С ТИГРОМ

Редактор *О.Ф. Трифонова*
Компьютерный дизайн переплета
Н.А. Хафизовой, М.Р. Хафизова
Корректор *И.М. Башлай*
Технический редактор *Н.Н. Хотулева*
Компьютерная верстка *Н.А. Сидорской*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.01683.02.10 от 05.02.2010 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл.,
г. Щёлково, ул. Заречная, д. 96

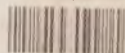
ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «Владимирская книжная типография»
600000, г. Владимир, проспект, д. 7
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Книжный мир
Все кувырком Беседы

Цена 27 800

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-061143-0

9 785170 611430